

АЛЕКСАНДР МАЗИН

РИМСКИЙ ОРЕЛ

Александр Владимирович Мазин

Римский орел

Серия «Варвары», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119601

Аннотация

Третий век от Рождества Христова.

Бывший подполковник ВВС России Геннадий Черепанов вместе со своим другом первым центурионом Гонорием Плавтом Аптусом, вырвавшись из плена, преодолев сотни километров вражеской территории, выходят к Дунаю.

На том берегу – Великий Рим.

Великая Римская империя – накануне великих потрясений.

Скоро на нее, истощенную гражданскими войнами, беззаконием и коррупцией, хлынут с этого берега полчища варваров и «Вечный» Рим падет...

Но сейчас, за год до того, как первый из «солдатских» императоров Максимин Фракиец облачится в царский пурпур, Рим – все еще величайшая империя в мире, грозная и могучая.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	17
Глава третья,	20
Глава четвертая	25
Глава пятая,	32
Глава шестая,	38
Глава седьмая,	47
Глава восьмая,	50
Глава девятая,	59
Глава десятая,	66
Глава одиннадцатая,	71
Глава двенадцатая	79
Глава тринадцатая	84
Глава четырнадцатая	90
Глава пятнадцатая	99
Глава шестнадцатая	105
Глава семнадцатая,	114
Глава восемнадцатая,	124
Глава девятнадцатая,	129
Глава двадцатая	136
Глава двадцать первая	142
Глава двадцать вторая,	152

Глава двадцать третья,	156
Глава двадцать четвертая	162
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Александр Мазин

Римский орел

Часть первая

Кентурион

Malum nessesarium¹

Глава первая,

*в которой подполковник ВВС
Геннадий Черепанов пробует себя
в роли квеманского пленника*

Все-таки с ним обошлись деликатно. Не убили, костей не переломали, никакого членовредительства. Синяки и ушибы – мелочь. А вот он обошелся с ними менее деликатно. Нет, взяли его грамотно, Черепанов не мог этого не признать. Зажали щитами и треснули обушком по макушке. Правда, не учли, что пистолет – идеальное оружие ближнего боя. Прорваться Геннадий не смог, но три раза пальнуть успел. Руко-

¹ Malum nessesarium (лат.) – необходимое зло.

творные гром с молнией в трепет его противников не привели. Но выводы были сделаны. Довольно неприятные для Черепанова выводы. Впрочем, разве сам Геннадий несколько дней назад не объяснял своему космонавту-исследователю, как настоящие дикари реагируют на «колдовство»?.. Но могло быть и хуже. Это он по личному опыту знал. Был в биографии подполковника такой эпизод: две недели в южноамериканской сельве. Решил, блин, подзаработать. Подрядился во время отпуска продемонстрировать российскую технику на заморском рынке. Теплый океан, экзотика, метиски-мулатки – и еще деньги платят весьма приличные. И машина знакомая – «МиГ-25». Черепанов на них начинал. На «МиГ-25УБ». Учебно-тренировочном. Хорошая машина «МиГ-25», скоростная, маневренная. С «сушками» последними, конечно, не сравнить, но для семидесятых-восемидесятых – очень даже неплохо. По отечественным правилам на демонстрационных полетах особо выпендриваться не положено. Держаться уровня летчика «средней» квалификации. Да Черепанов и не выпендривался. Никаких закритических углов атаки, все скромненько. Разогнал до «сверхзвука» (этой модели – это еще даже и не скорость) – сдох правый движок. Черепанов бы и на одном дотянул, но тут еще с гидравликой неполадки пошли... Короче, пришлось катапультироваться. Потом говорили: диверсия. Но Геннадий эту версию не поддерживал. Полагал: техники облажались. Машина старая, налетано на ней было – будь здоров,

поизносилась птичка. Ясно было только: вины летчика в катастрофе нет. Но каково самому летчику, оказавшемуся в диких горах, в трехстах километрах от ближайшего населенного пункта... На крыльях-то – пустячок. Десять минут лету. А пешочком...

Нахлебался, одним словом. Вспоминать не хочется. Хуже только в Африке было, когда его двойка F-16 УРом достала.

В общем, грустно это, когда небо из подвластной тебе стихии вдруг становится недоступным пространством над головой. Но бывают вещи и погрустнее. Например, когда тебя смазывают патокой и голышом кладут на срезанную макушку муравейника.

На сей раз с Черепановым обошлись не так сурово. Правда, раздели и выпачкали какой-то липкой дрянью. Но исключительно из желания обезвредить опасного «чародея». К сожалению, господа квеманы «магическими» мерами безопасности не ограничились, но вдобавок очень качественно спутали Геннадия ремнями и спеленали сетью. Так что весь немалый путь от поселка до спрятанных в дремучей чаще дикарских святынь подполковник проделал будучи подвешенным между двумя шестью, опиравшимися на крепкие квеманские плечи. Хорошо еще, что липкая дрянь, которой его щедро умастили, насекомых отпугивала. Иначе совсем кисло пришлось бы.

Путешествие в «люльке» заняло три дня. Причем каждый вечер местный шаман старательно проводил над спеленатым

Черепановым «обезвреживающие» процедуры – окуривал, тряс перед носом подполковника черным посохом, украшенным змеиными головами... Он же раз в день поил Геннадия сладковатым отваром и кормил жидкой болтушкой. Остальные квеманы старались держаться от «колдуна» подальше. Двое их товарищей, пострадавших от «злого волшебства», извергнутого пистолетом Токарева, уже отбыли в лучший мир. Третий, получивший сквозное ранение плеча, имел все шансы поправиться. Последнее шаман считал личной заслугой и доказательством того, что его волшебство сильнее «огненного колдовства» Черепанова, о чем неоднократно сообщал пленнику. Пленник помалкивал, полагая, что скромность в данном случае – лучшая политика.

На четвертое утро шаман счел, что пленник уже достаточно безопасен, чтобы передвигаться самостоятельно. А может, носильщики утомились. Так или иначе, но Черепанова «распеленали», связали руки за спиной, накинута на шею петлю, конец ремня вручили шаману, и дальше Геннадий двигался самостоятельно. А если, по мнению шамана, пленник делал это недостаточно проворно, шаман слегка подбадривал его «змеиным» посохом. Но делал это беззлобно, исключительно по необходимости. Вообще, шаман обходился с Геннадием по-человечески. Обнаружив, что пленник сбил ноги, сплел для него обувь вроде лаптей, старые и новые царапины и ушибы тщательно обрабатывал. И не забывал вести «душеспасительные» разговоры о том, что против мо-

гучих квеманских богов злое колдовство Геннадия – мышинный помет, не более. Польза от этих увещеваний была очевидная: Черепанов обучался местному языку, который, как ни странно, почти не отличался от того, на котором говорили в поселке.

Так проходил день за днем. Леса сменялись болотами, а болота – лесами. Мелкие речушки пересекали вброд, крупную (похоже, это был Днестр) – переплыли на плотках. Черепанов делал, что говорили, агрессивности не проявлял. Глупо лезть в драку, когда ты связан, а противников больше двух дюжин. И вооруженных к тому же. Шанс еще представится, хотя на помощь со стороны рассчитывать не стоило. Правда, поселковые, как выяснилось из квеманских разговоров, сумели отбиться. Хочется верить, что и Леха уцелел. Нелегко парню придется, но ничего. Должен справиться, толковый. Жаль, конечно, что так вышло. Зря Черепанов той ночью за похитителями поперся. Геройство выиграло, противника недооценил. И попал, как кур в ощи́п. Однако еще не вечер. Русского космонавта за здорово живешь не забодает. Еще повоюем.

Добрались. Славное такое местечко: остров посреди великолепного синего озера. На острове – холм. На холме – частокол. На частоколе – выставка черепов.

К холму, впрочем, Геннадия не допустили. Переправили на плоту через озеро и привязали растяжками к двум соснам. Под контролем полной дюжины очень внимательных

копейщиков. Вспомнили, блин, о мерах предосторожности. Черепанов даже пожалел, что не попытался удрать по дороге. Тогда все-таки был какой-то шанс... Правда, совсем маленький: если для Черепанова лес был плацдармом для выживания, то для квеманов – домом. Не говоря уже о том, что за несколько переходов до острова к его конвою присоединились еще трое: зверообразного вида охотник в шкурах и две разнокалиберные, но знающие дело собачки. И та, что покрупнее и полохматей, смахивающая на очень грязную южно-русскую овчарку, решила, будто Черепанов нуждается в ее личном присмотре. В общем, до прибытия на остров Геннадий ничего не предпринял, а после побег стал и вовсе невозможен.

Заботившийся о Черепанове шаман куда-то сгинул. Зато появился кузнец и приклепал к ноге Геннадия браслет из толстого железа, соединенный цепью с еще более толстым обручем, обвившим сосновый ствол.

И началась у подполковника омерзительная жизнь цепного волка. Для утоления жажды – озерная водичка, для утоления голода – однообразная болтушка из репы и плохо протертого зерна. Хорошо хоть лето, тепло.

Развлечений никаких, поговорить не с кем, поскольку караульщикам беседовать с пленником было либо запрещено, либо боязно.

Время от времени с холма, из-за частокола, доносились какие-то вопли и завывания. По ночам, разумеется, а как же

иначе?

Остров был довольно крупный: километра полтора в поперечнике, как прикидывал Черепанов. Постоянного поселения не наблюдалось, хотя оно могло быть по ту сторону холма или наверху, за частоколом. Охранники Геннадия обитали в нескольких шалашах неподалеку. Жили на подножном корму, и куда сытнее, чем пленник: дичь, рыба, грибы-ягоды. Ароматы из их «кухни» постоянно дразнили аппетит Черепанова. Но подполковник хотя и любил вкусно покушать, в рабстве у желудка не состоял. И на караульщиков не обижался. Скорее всего, им приказали держать пленника на «облегченной» диете.

Черепанов вообще все эмоции отложил до поры до времени. Исходя из ситуации, он поставил себе предельно простую задачу: не опускаться и поддерживать форму. Исходя из возможностей: тщательно пережевывать все, что давали; мыться под дождиком; не менее десяти часов в сутки заниматься физическими упражнениями, но при этом не перегружаться, иначе на такой диете можно и ноги протянуть.

Караульщики на его гимнастику старались не смотреть. Полагали, видимо, что сие есть некое опасное волхвование. Но не препятствовали. Вероятно, потому, что команды не было.

Так прошло одиннадцать дней.

На двенадцатый день на остров заявился знакомый шаман. И не один, а с коллегами.

Черепанова опять взяли на растяжки: чтоб не трепыхался. Далее состоялся шаманий консилиум, в процессе которого подполковника тыкали различными предметами из дерева, металла и кости, изучали его физическое строение и даже реакцию зрачков на свет – путем принудительного поворачивания головы к солнцу.

Подполковник терпел, понимая, что бороться бессмысленно. Все это чем-то напоминало медкомиссию в том, потерянном времени. Зато «врачи» были несравненно колоритнее. Вместо фонендоскопов – ожерелья из волчьих зубов, вместо белых халатов – живописные одеяния из кожи и меха. Вот только с гигиеной у здешних «докторов» было неважно.

Обследование закончилось, и развернулась дискуссия. Ее предметом было: следует ли предъявить пленника богам немедленно или отложить это представление до некоего большого праздника. Скучный словарный запас подполковника не позволял уяснить детали, но суть была понятна. Главным сторонником первого предложения был знакомый шаман, главным противником – мерзкого вида дедок с лысой головой и метровой бородищей, в которой вши чувствовали себя достаточно вольготно и безопасно, чтобы время от времени выбираться из «зарослей» на променады.

Знакомый шаман настаивал, что пленник есть великий колдун. Дедок возражал, что по всем внешним признакам пленник вовсе не колдун, а просто ловкий мошенник. Но из дальних краев.

С полчаса обсуждалось предложение: не освободить ли пленника, чтобы тот сумел проявить свой дар? Лысый дедок утверждал, что легко нейтрализует любого колдуна, тем более шарлатана.

Знакомый шаман возражал, напоминал насчет метания грома, от которого умирают в муках вполне квалифицированные воины.

Из этого Черепанов сделал вывод: связь между «громом» и пистолетом его захватчиками не установлена.

Лысый дедок заявлял, что лично его «громом» не прошибешь. И никого не прошибешь, если он, дедок, поблизости.

Геннадий многое отдал бы за возможность проверить, достаточно ли наглый шаман квалифицирован, чтобы отбить пулю лысиной. Но сейчас он мысленно поддерживал линию старого пердуна.

«Давайте, ребята, освободите меня, и я вам такое „колдовство“ покажу...» Тем более до озера – метров пятьдесят, не больше.

Еще один «консультант» подал альтернативное предложение: спутать Черепанова цепями и бросить в озеро. Дескать, против огненного колдовства вода вполне убережет, тем более когда испытуемый – в железе. Ну а ежели клиент утонет, то, значит, не такой уж он грозный чародей, как утверждают некоторые.

Предложение вызвало бурную дискуссию. Главным доводом против было вполне резонное замечание, что ежели

пленник – обычный человек, то он, будучи утоплен, утонет. Причем совершенно бесполезно, так как время для ублажения Хозяина озера нынче самое неподходящее. А заполнить неуправляемого утопленника, да еще чужого и на весь квеманский народ обиженного, и вовсе нехорошо.

Наконец лысый дедок выродил уточнение: утопить, но слегка. То есть притопить немного, да и поглядеть, чего будет. А если в процессе эксперимента выяснится, что Черепанов – человек, то есть явно станет клиент загибаться, то вытащить испытуемого, откачать и использовать в дальнейшем с максимальной эффективностью.

Геннадий слушал сей спор несколько отстраненно: словно бы и не о нем речь. Но когда его «отсоединили» от деревьев и принялись вязать, Черепанов сопротивляться не стал, поскольку бесполезно. Зато украдкой сделал гипервентиляцию легких, так что когда его со всеми предосторожностями погрузили в озеро, спокойно опустился на песочек, расслабился и попытался получить от вынужденного купания удовольствие.

В такой ситуации что главное? Не нервничать и не напрягаться. Тогда и потребление организмом кислорода сводится к минимуму. Это первое.

А второе – подавить естественный дыхательный рефлекс, связанный, как известно, с накоплением в организме углекислоты.

Посему Геннадий выждал пару минут (с его объемом лег-

ких – пустяк), а потом очень медленно начал выпускать воздух, еще более расслабляясь и стараясь впасть в состояние, какое йоги называют шавасаной, или в просторечии «позой трупа». А трупу, как известно, воздуха и вовсе не требуется...

В общем, его вытащили раньше, чем он нахлебался воды.

Положили обсыхать на песочек и возобновили дискуссию.

Проведенный эксперимент удовлетворительного результата не дал. Лысый по-прежнему настаивал, что пленник – человек. Выдающийся, бесспорно. И потому необычайно ценный, поскольку ежели такого отправить к богам с конкретным посланием, то послание это он непременно до божественных ушей доведет и на своем настаит.

Старый приятель Черепанова продолжал утверждать, что пленник – колдун. Просто нынче не в форме благодаря тому, что лично он, шаман-профессионал, пленника обезвредил. А посему следует немедленно представить пленника настоящим богам. Во избежание неприятностей.

Победил лысый. Как более авторитетный.

Представление отменили, и подполковника снова водворили на цепь.

Положительным результатом консилиума можно было считать то, что после испытания кормить подполковника стали значительно лучше. И охрана стала вести себя более раскованно. Это, впрочем, ничего не изменило. Порвать голыми руками дюймовой толщины железо, пусть даже и

скверного местного качества, было невозможно.

Так прошло еще десять дней. А потом у Черепанова появился сосед. «Коллега».

Глава вторая,
*в начале которой квеманскому
пленнику предоставляется
персональное жилище,
а в конце которой у
подполковника появляется сосед*

В этот день Геннадия переселили. Утречком с холма спустились три пожилых шамана в полном боевом, увешанные ожерельями, талисманами и прочими блестящими побрякушками, как новогодние елки.

Затем притащили охалку прутьев и жердей, из которых десяток квеманов попроще быстренько сварганили что-то вроде клетки. Вернее, двух клеток – примерно три на три метра каждая. Жерди для прочности связали между собой ремнями из вымоченной кожи. Прилично получилось. Крепко. У Черепанова немедленно возникли нехорошие предчувствия насчет предназначения данных изделий.

Когда закончили строители, за дело взялись шаманы. Разожгли костерок, набрали водички в кожаные ведра. Вскипятили водичку древним способом – закидывая в ведро раскаленные камни. Загрузили в кипяток всякой дряни... Запах от супчика пошел такой, будто собачье дерьмо варили,

но шаманов сие не смутило. Когда супчик дозрел, они подхватили по венику типа банного, окунули в варево, окружили клетки и заголосили в три глотки, щедро кропя изделия кипячеными помоями. Впрочем, пением дело не ограничилось – дошло до пляски. Плясали шаманы, надо признать, лихо. Несмотря на почтенный возраст. Активно и долго.

В результате совсем умаялись и, побросав метелки, повалились на землю кто где стоял.

Охрана Черепанова и строители восприняли сие как должное. И трогать священнослужителей не стали. Зато тронули Черепанова. Пока он, не подозревая худого, взирал на таинственный процесс, один из воинов тихонько подкрался сзади и подло огрел Геннадия дубиной по голове. Или не дубиной. О том, какой предмет был использован, подполковник мог только догадываться, поскольку отключился мгновенно.

А очнулся он уже в сумерках. Внутри одной из клеток. С большой шишкой на затылке, зато без железки на ноге.

Очнулся как раз вовремя, чтобы увидеть прибытие волокуши с «пассажиром».

С первого взгляда можно было понять, что прибывший не относится к привилегированным классам квеманского общества. Да и вообще к сему племени вряд ли принадлежит: обошлись с ним довольно грубо – в точности как с Черепановым. Треснули по голове обмотанной кожаными ремнем дубинкой и в бессознательном состоянии загрузили в сосед-

нюю клетку.

Рассмотреть соседа Черепанову толком не удалось, потому что совсем стемнело.

Спалось подполковнику неважно. Видимо, даже гранитная выдержка летчика-космонавта имела предел. И этот предел был уже близок. Даже обычная установка Геннадия: принимать как данность то, чего не в состоянии изменить, есть все, что дают, и спать, когда больше нечем заняться, – старая и проверенная установка, выработанная еще в курсантские времена, – начала давать сбои. Не спалось. Мучила какая-то неопределенная... нервность. Смутное беспокойство. Ожидание нехорошего. Вернее, совсем скверного. В сочетании с полной беспомощностью.

А рядом возился, стонал, ругался на знакомом, но непонятном языке собрат по несчастью... Тоже не лучшее сновторное.

Утром, однако, настроение неожиданно улучшилось. Во-первых, солнышко согрело черепановские косточки. Во-вторых, завтрак оказался довольно приличным. В-третьих, Геннадий еще до завтрака изучил свое новое жилище и решил, что если очень приспичит, сможет его покинуть. Пара жердин была явно тоньше прочих, и, скорее всего, подполковнику по силам их сломать. В-четвертых, Черепанов наконец разглядел своего соседа, и сосед ему понравился. И симпатия, очевидно, была взаимной. А раз так, то неплохо было бы установить с ним контакт.

Глава третья,
в которой подполковник ВВС
знакомится с «коллегой»
из вооруженных сил
Великой Римской империи

Они были похожи, эти двое: оба невысокие, мускулистые, с широкими квадратными лицами, казавшимися еще шире из-за отросших бород. Разве что говорили они на разных языках, да у одного волосы светлее и не так густо покрывали тело, как у второго.

– Ты кто? – осведомился Черепанов, сопроводив слова жестом. – Ху а ю?

– Эго? – спросил второй. – Я? Я – кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт. Примипил Плавт. Ты понимаешь латынь, варвар?

Первый мотнул головой:

– Латынь – нет. Тебя – да, кентурион Плавт. И я не варвар.

– Ха! Я готов спорить... А, неважно! Тебя как звать, друг? – Кентурион тоже дополнил вопрос жестом.

– Геннадий. Подполковник Геннадий Черепанов.

– Геннадий Кереп... Как?

– Черепанов. Церебра...² – Геннадий постучал себя по голове.

У него был некоторый запас латинских слов. Примерно на половину машинописной странички. В основном состоящий из популярных латинских изречений, коими подполковник Черепанов любил иногда щегольнуть. В той жизни. Вот и пригодилось невинное хобби. Хотя то, что говорил этот курчавый крепыш, подполковник скорее угадывал, чем понимал. Так на ковре «угадываешь» мысли противника. Тем легче, чем больше противник похож на тебя.

– А-а! Череп! Ясно! – Римлянин ухмыльнулся, и его собеседник тоже ухмыльнулся. Очень похоже.

Четверо караульщиков-квеманов слушали их беседу равнодушно, а вот пятому общение пленников пришлось не по нраву.

– Молчать! – крикнул он и даже примерился ударить Черепанова древком копья, но... Встретился с ним глазами и передумал.

– Похоже, Череп, эти верзилы тебя побаиваются, – заметил кентурион. – Видно, ты, как и я, задал им хорошую трепку! – Плавт изобразил, будто колет мечом, а затем скорчил физиономию, какая бывает у человека, когда ему в живот

² По-латыни – череп. Здесь и далее фонетика Черепанова не вполне соответствует «общепринятому» латинскому произношению. Хотя каким оно было, правильное латинское произношение, – можно только догадываться. Но латинское «с» скорее всего произносилось именно как «к». Сравните: caesar – кайзер, кесарь, цесарь...

втыкают клинок.

– Пусть рискнет здоровьем, – мрачно отозвался Черепанов. – Я ему руки выдерну раньше, чем он насадит меня на свой вертел. *Mea gloria non transit.*

– Да, Череп, ты прав. Пришло наше время умирать, – сказал римлянин. – Умрем же со славой, верно? Хотя, как сказано одним мудрым человеком: «Живой пес лучше мертвого льва».

Геннадий понял, мотнул головой.

– *Melior est leon vivus canis mortuo!*³ Не знаю, как ты, а я бы еще пожил! Эго витус, Гонорий! Эго... – Он на секунду задумался, подыскивая подходящее слово... Спирометр... Респиратор... – Эго спира, Гонорий!

– О-о! – кентурион засмеялся. – Славно, Череп! У тебя отвратительная латынь, но я вижу: ты философ. *Dum spiro, spero!*⁴

– Примерно так. – Геннадию была знакома и эта поговорка.

– А как насчет этого? – Римлянин похлопал по деревянной решетке.

– Это? Это – ерунда! – по-русски сказал Черепанов и показал, как ломает палку о колено. – Вот с этими, – жест в сторону караульщиков, – посложнее.

Кентурион понял.

³ *Melior est leon vivus canis mortuo* (лат.) – живой лев лучше мертвой собаки.

⁴ *Dum spiro, spero* (лат.) – пока дышу, надеюсь.

– Я бы с ними разобрался, – сказал он на своем языке. – Будь со мной мой меч...

– Гладий не обещаю, – по-русски отозвался его собеседник. – Но что-нибудь мы тебе подберем, кентурион Плавт. Что-нибудь подходящее... Мы еще с тобой повоюем. Милито, Плавт! Пара беллум!⁵

– Я-то всегда готов, Череп, – отозвался римлянин. – Лучше умереть в бою, чем сдохнуть у ног их поганых богов!

– Ты правильный мужик, Плавт, – сказал Геннадий. – Только немножко пессимист.

Кентурион засмеялся. Понял. Похоже, и с чувством юмора у него порядок. С чувством черного юмора. Внезапно Черепанов понял, что настроение его совершенно необоснованно поднялось на три позиции. Безо всяких на то объективных причин, лишь потому, что рядом появился этот римский сотник⁶.

Летчики – суеверный народ. А космонавты – самые суеверные из летунов. Слишком многое по ту сторону атмосферы не поддается рациональному объяснению. С непредусмотренными факторами можно было бороться – используя наиболее простые системы, дублируя все, что можно... Но это далеко не всегда помогало. А бывали ситуации, когда

⁵ Готовься к войне. Часть известной латинской пословицы «Хочешь мира – готовься к войне». А также марка пистолета.

⁶ Численность римской кентурии (центурии) колебалась от шестидесяти до ста человек.

даже двойное и тройное дублирование не защищало от случайностей, статистически маловероятных, но приводивших к катастрофическим последствиям. Посему летчик-космонавт Черепанов в случайности не верил, зато верил в благосклонность римской богини Фортуны. Нет, он не был фаталистом, во всем полагавшимся на Судьбу. Просто в список учитываемых управляющих факторов Геннадий включал эту самую случайность. Со знаком плюс или минус. Так что можно было надеяться, что серьезный парень Гонорий Плавт появился тут не затем, чтобы скрасить Геннадию последние часы.

– Нет, дружище, – сказал подполковник Черепанов. – Умереть с честью – не лучше. Пусть лучше они умрут с честью. А мы с тобой еще поживем немного...

Глава четвертая

Шаманский консилиум

Им дали пожить еще немного. Четверо суток. Дни подполковник тратил на беседы с соседом, ночи – на аккуратное и незаметное расшатывание слабых прутьев. Дело двигалось. Если бы еще хороший дождик прошел и ремни намокли, было бы вообще замечательно. Но дождя не было, а на четвертый день затишье кончилось. С самого утра на острове появились шаманы. Не меньше двадцати. Большинство тут же отправилось наверх, но пятеро двинулись к клеткам.

Предводительствовал совсем замшелый дед, опиравшийся на плечи двоих «подмастерьев», чьи физиономии были так густо исчирканы шрамами и татуировками, что от положенной по рождению внешности практически ничего не осталось. Зато на костях у парочкиросло столько мускулатуры, что с лихвой хватило бы на троих. Остальные шаманы были старыми знакомцами: один – личный «куратор» Черепанова, второй – лысый дедок, руководивший его «купанием». Но в отличие от того раза, лысый палец не гнул, держался скромно, только походя шуганул квеманов-каральщиков.

Здоровяки подвели патриарха к клеткам и почтительно отошли. Тот тяжело оперся на клюку и уставился на Черепанова. Глаза у дедушки были на удивление ясные, прозрач-

ные и почти бесцветные. Две блестящие лужицы на длинной физиономии, состоящей из глубоких морщин и крючкова- того носа, ниже которого располагалась серо-желтая длин- нющая борода, заправленная за пояс. Голову деда украшала большая засаленная шапка, выглядевшая еще старше, чем ее владелец.

Патриарх с минуту созерцал Черепанова, потом точно так же уставился на римлянина.

– Как тебе экземпляр? – поинтересовался Геннадий. Он уже довольно бойко изъяснялся на латыни, дополняя ее рус- скими, немецкими и английскими словами. Какой-нибудь ученый-латинист из двадцать первого века вряд ли бы его понял, но кентурион понимал.

– Идеально подходит, чтобы портить воздух, – отозвался Плавт. – А вот его парней я бы купил. Крепкие сервы.

Дедуган притопнул посохом. Здоровяки подхватили его под руки и повели прочь.

Ни одного слова не было сказано.

Зато после ухода колдунов стража оживилась. Похоже, реб- ятки радовались, что их служба подошла к концу. Хотя, по мнению обоих пленников, стража не слишком себя изну- ряла. Кентурион не единожды высказывался, как поступил бы со своими легионерами, ежели бы те так халатно относи- лись к своим обязанностям. Душа профессионального воя- ки вскипала, замечая такое пренебрежение службой. Но да- же такая халтурная работенка набила сторожам оскомину. И

парни не скрывали удовольствия, что наконец все заканчивается и можно разъехаться по домам.

Итак, приближалось некое событие, после которого судьба пленников должна была резко измениться. И Геннадий не был столь наивен, чтобы рассчитывать, будто их освободят. По крайней мере добровольно.

Прошло совсем немного времени, и со стороны берега опять слышались голоса, плеск весел, а затем звук вытаскиваемых на песок лодок. Деревья заслоняли берег от узников, но нетрудно было догадаться, что на остров прибыла еще одна компания. И не маленькая.

– Похоже, нас ждут большие варварские люди⁷, – заметил Плавт. – Не записали бы нас с тобой, Череп, в гладиаторы.

– Я думаю: дать нам оружие – будет очень большой ошибкой с их стороны. Ляпсус гигантус. Ошибка со смертельным исходом. Экситус леталис...

Латынь Черепанова вызвала у собеседника гомерический хохот. Стражники перестали болтать и с подозрением уставились на него.

Но тут же отвлеклись. На полянку гуськом вышла стайка молодежи. Дюжина парней и девчонок в самом расцвете юной красоты. Сопровождали их двое квеманов постарше, с длинными копьями, острия которых были зачем-то обмотаны тряпками.

Молодежь выглядела испуганной и возбужденной одно-

⁷ Люди (лат.) – игры.

временно. Те, кто за ними присматривал, наоборот, пучились от важности.

Юные квеманы и квеманки увидели клетки и пришли в еще большее возбуждение. Несколько парней даже сунулись рассмотреть узников поближе. Их остановил окрик одного из опекунов.

– А, сладкие малышки! – воскликнул римлянин. – Череп, ты говоришь на их диком языке. Скажи: папа Гонорий хочет их всех!

Черепанов засмеялся.

– Ты ржешь! – недовольно буркнул Плавт. – А я так давно не имел женщины. Не удивляюсь, что бог-покровитель, счастливый Приап, лишил меня удачи. Год жизни отдал бы за час в паршивом лупанарий⁸.

– А есть у тебя этот год? – осведомился подполковник.

Появились жрецы. Та самая тройка, которая около часа назад «освидетельствовала» Геннадия и римлянина. Но на этот раз они пришли не к ним.

Молодежь, рассевающуюся на траве, подняли и построили. Затем...

– Нет, это пытка, – пробормотал кентурион. – Клянусь чреслами Юпитера Капитолийского! И я должен на это смотреть... Только смотреть!

– Можешь отвернуться, – предложил Черепанов.

– Ну уж нет! – возмутился кентурион. – Сам отворачивай-

⁸ Лупанарий – бордель.

ся, если желаешь.

Но Геннадий тоже отворачиваться не стал. Собственно, никто из присутствующих на полянке мужчин не спешил отворачиваться, потому что зрелище шести девушек, сбрасывающих одежды, было достаточно увлекательно. Тем более что девушки были чрезвычайно молоды и действительно красивы. Юноши, впрочем, тоже были ничего, надо отдать им должное. Вполне соответствовали подружкам.

– Как думаешь, в царстве Орка⁹ бабы есть? – сглотнув, спросил Гонорий.

– Скоро узнаем, – отозвался подполковник. – Если будешь думать фаллосом, а не головой.

– Я три месяца не был с женщиной, Череп! – возмутился Плавт. – Моему богу это не нравится. О чем они говорят?

Юношей поочередно подводили к «верховному» дедушке-шаману. Тот задавал им какие-то вопросы. Юноши отвечали. Но ни вопросов, ни ответов Черепанов расслышать не мог. После юношей наступила очередь девушек. Этим не столько спрашивали, сколько осматривали и ощупывали. Ничего эротического. Обычный медосмотр.

Караульщики у клеток тоже развлекались. Обменивались мнениями-предположениями насчет того, какую из девчонок и как долго они бы могли «развлекать». Постепенно голоса стали громче, дискуссия горячей. Спорщики хлопали себя по причинным местам, размахивали руками... Так

⁹ На том свете.

увлеклись, что не заметили, как один из шаманов-здоровяков перестал исполнять роль подпорки патриарха и подошел к диспутантам.

Звук оплеухи прозвучал как пистолетный выстрел. Самый горячий спорщик отлетел шага на три, снеся по дороге рогульку с котелком. Его оппонент уставился на здоровяка... Получил в лоб, отлетел к клетке Черепанова, едва ее не опрокинув.

Остальные караульщики моментально заткнулись, и здоровяк с достоинством удалился.

Врезавшийся в клетку Геннадия квеман пытался встать, цепляясь за прутья. Черепанов взял его за локоть, помог. Квеман зыркнул злобно, выдернул руку и, пошатываясь, двинулся к своим... Не заметив, что одна из железных бляшек с его куртки осталась между пальцами узника.

«Медосмотр» закончился. Молодежи позволили одеться. Подручные расстелили на траве оленью шкуру. Шаманы уселись на нее. Главному вручили мешочек, который архиерей долго и сосредоточенно тряс, затем высыпал его содержимое на шкуру. Что именно было в мешочке, подполковнику разглядеть не удалось: все трое служителей культа наклонились, изучая результат действий старшего. Затем последовало короткое совещание, после которого от общей группы отделили юношу и девушку. Двое с замотанными копьями увели избранных наверх, за частокол. Остальные нестройной гурьбой отправились к берегу. Похоже, они были разочарованы.

И Черепанов очень скоро узнал почему.

Глава пятая, в которой подполковник Черепанов получает предательский удар

– Вы оба – великие воины, – заявил шаман-куратор подполковнику.

Это случилось на следующий день.

– Что он говорит? – забеспокоился Гонорий.

– Говорит, что мы великие воины.

– Мозги у него варят, – одобрительно пробормотал кен-турион. – Что дальше?

– Вам оказана великая честь, – продолжал квеманский жрец. – Одного из вас ждет великий путь!

Верховный шаман торжественно кивнул. Костяные бубенчики на его невообразимой шляпе звякнули.

– Не позднее чем солнце коснется края земли, – продолжал «опекун» Геннадия, – боги благословят одного из вас на великое дело. Переведи ему.

Черепанов перевел, насколько позволяли знания латыни.

– Звучит неплохо, – буркнул римлянин. – Пусть скажет, кого надо убить.

– Вы пришли из разных мест. Ты, – кивок на римлянина, – великий воин из великой империи. Ты, – жест в сторону подполковника, – великий герой из небесной страны.

«Надо же, – подумал Черепанов. – Работает разведка!»

– Сегодня, раньше, чем Даритель Жизни коснется Матери-Земли, будет зачат великий герой. Переведи ему.

Черепанов перевел. Менее цветисто и опустив насчет «небесного героя».

Кентурион ухмыльнулся.

– Еще лучше, – заявил он. – Зачать – это я с удовольствием! – И похлопал себя по мужскому достоинству.

Жест не остался незамеченным.

– Великий герой будет зачат, – торжественно проговорил шаман. – Но не тобой, чужеземец! Зато дух одного из вас войдет в чрево его матери, и рожденный из этого чрева будет повелевать племенами и править там, откуда вы, чужеземцы, родом. Он поведет за собой тысячи, и они пойдут за ним, и земли, где жили ваши предки, лягут под ноги наших воинов!

«Очень поэтично, – подумал Черепанов. – Только долгонько вам, ребята, придется идти!»

– Переведи ему! – повелительно произнес шаман.

Подполковник перевел.

Кентурион задумался. Было с чего.

А шаман продолжил. И хотя речь его дышала религиозным восторгом, Черепанов этого восторга не разделял. Равно как и Гонорий. Потому что суть сказанного сводилась к следующему.

Нынче великий день. День, в который, как уже сказано, будет зачат великий герой квеманского народа. Легендарный

(в будущем) завоеватель. Отцом и матерью его станут безупречные во всех отношениях юные соплеменники шамана, прошедшие аттестацию и получившие сертификат качества от верховной шаманской коллегии во главе с самим Древом Мудрости (патриарх опять звякнул бубенчиками), и посему плоть героя будет такой же идеально безупречной и при этом – плоть от плоти квеманского народа.

А вот дух героя будет двойственным. Внутренностью его станет один из квеманских богов, чье имя не будет названо. Оболочкой же – воинственная душа одного из уважаемых пленников. Того, кто окажется круче. Поскольку мнения относительно того, кто из двоих круче, разделились, задачу следует разрешить здоровым соревнованием. То бишь – поединком. Который предполагается устроить немедленно. Когда же выяснится, кто есть божественный избранник, его брэнное тело будет отдано могучим квеманским богам, а освободившаяся от плоти душа войдет в чрево юной квеманки, и через положенное богами время выйдет на свет во плоти будущего завоевателя.

– Ну как тебе перспектива, нравится? – желчно осведомился Черепанов.

Римлянин сплюнул.

– Только варварам могла прийти в голову мысль, будто, зачиная героя, боги нуждаются в помощи смертных. Ха! Хочу увидеть, как этот старый пердун подсовывает Юпитеру выбранную им девку! Ладно. Одного из нас собираются при-

резать.

А второго? Спроси его!

Черепанов спросил.

Ответ был уклончивый, но, похоже, второму выпускать кишки не собирались.

– Я бы не стал им верить, – заметил римлянин.

– А у нас есть выбор?

– Поглядим. Пусть только они выпустят нас наружу и дадут в руки оружие.

К сожалению, оружия им не дали. Более того, даже связали руки. Чтобы великие герои в священной ярости не убили друг друга до смерти.

В общем, их выпустили из клеток со связанными за спиной руками и поставили друг против друга.

– И что теперь? – спросил Черепанов. – Будем драться?

Римлянин мотнул головой и выругался.

– Я драться не собираюсь! – заявил он. – Потянем время. Сколько там еще до захода осталось?

Подполковник глянул вверх, на солнце...

И в этот миг кентурион прыгнул вперед и нанес Геннадию, не ожидавшему подобного коварства, страшный удар головой в подбородок.

Очнулся подполковник уже в клетке.

Римлянин располагался в соседнем «помещении».

– Ты что сделал, сучий сын? – яростно прохрипел Черепанов.

Кентурион засмеялся.

– Ты мне понравился. Череп, – сказал он. – На опциона моего первого похож. Так что живи. Принеси потом в жертву теленка, чтоб моя душа порадовалась.

Час спустя им принесли обед: по большому горшку рагу с изрядным количеством мяса и по кувшину такого же отменного эля. Вот только рагу, в отличие от прежней пищи, было здорово пересолено. Возможно, это было проявлением щедрости (соль представляла изрядную ценность), но у Черепанова родились нехорошие подозрения.

– Постой, Плавт! – сказал он соседу, энергично зачерпнувшему из горшка. – Думаю, сейчас нам лучше попоститься.

– Хочешь лишить меня последнего в жизни пира? – возмутился кентурион. – Ну уж нет!

– Идиот! Уверен, они туда что-то подмешали!

– Ну и что? Значит, я умру в хорошем настроении! – Римлянин опять сунул пятерню в горшок.

– погоди, говорю! Глянь сюда! – Черепанов осторожно показал ему кончик сорванной с квеманской куртки бляхи. – Видишь? Еще не вечер, кентурион! И раньше, чем он наступит, нам понадобится все, на что ты способен. А способен ты, я думаю, на многое. – Подполковник погладил обросшую светлой бородкой челюсть. Она все еще ныла, черт побери этого латинянина!

При виде железной чешуйки глаза Плавта вспыхнули.

Кентурион соображал с похвальной быстротой. Примерно так же, как действовал.

– Ты еще увидишь, на что способен примипил Гонорий Плавт Аптус¹⁰! – заверил он и принялся опорожнять горшок в ближайшие кусты. Потом выплеснул туда же и содержимое кувшина. И вдобавок помочился на это место, чтобы ни у кого не возникло желания шарить под кустами.

Черепанов последовал его примеру. Но сначала потратил минут десять, чтобы до бритвенной остроты наточить железную чешуйку о горшок.

«Бдительная» стража ничего не заметила: четверо квеманов азартно играли в некую игру вроде «ножичков», остальные столь же азартно болели. В общем, им было не до каких-то там пленников.

И напрасно.

¹⁰ Аптус – меткий.

Глава шестая,
в которой рассказывается о том,
как подполковник Черепанов и
кентурион Плавт принимают участие
в человеческом жертвоприношении

Выглядели они примерно так, как и представлял Геннадий. Здоровенные, черные, блестящие от жира. Все пространство внутри частокола было разделено невысокими глиняными стенами. Похоже на лабиринт для детишек. Только игры в этом «лабиринте» были не детские. И дым курений не мог перебить запах мертвечины. Идолов было четыре. Два кумира изображали мужчин, два – женщин. Рядом с каждым идолом – некое подобие алтаря. Четыре каменные плиты, положенные горизонтально у женских идолов и установленные вертикально – у мужских. В трех плитах были пробиты сквозные отверстия, через которые были пропущены ремни. На четвертой стоял горшок с ручкой, очень похожий на «ночную вазу». Золотой.

Клетки с узниками заблаговременно подняли на холм. Римлянина водрузили на возвышение. Черепанов такого почтения не удостоился – его просто засунули в угол, образованный глиняными стенами «лабиринта». Геннадий не рас-

строился: во-первых, и отсюда все было прекрасно видно, во-вторых, о стены было удобно подтачивать режущую кромку чешуйки – поганая железка тупилась с невероятной быстротой.

На торжественной церемонии, помимо римлянина и космонавта, присутствовали:

шестеро шаманов во главе с престарелым Древом Мудрости, восседавшим на камне напротив самого крупного идола; пара личных телохранителей Древа, тех самых здоровяков;

двое незнакомых, немолодых уже квеманских вождей в «цивильном», то бишь без доспехов и боевого оружия, если не считать «традиционных» шлемов, увенчанных здоровенными бычьими рогами.

– Этого я знаю! – заявил Плавт, ткнув пальцем в одного из «рогатых». – Это он меня у аланов перекупил.

До заката оставалось часа три, и солнышко светило ярко. Тем не менее вид у собравшихся был достаточно зловещий. Вкупе со злобными идолами вид сей мог привести в трепет даже не слишком пугливого человека.

Но римский кентурион Гонорий Плавт, похоже, был на-чисто лишен страха, а у Черепанова просто не было времени пугаться: он пилил ремни, которыми была скреплена клетка. Задубевшая кожа поддавалась слишком медленно. Одно хорошо: на Геннадия никто не обращал внимания – взгляды присутствующих сосредоточились на том, что происходило

у подножия идолов. А происходило там нехорошее.

Из сарайчика, прилепившегося к частоколу, вывели де-вушку. Бедняжка почти не сопротивлялась, когда с нее сорвали лохмотья, которые язык не повернулся бы назвать одеждой, и поволокли к подножию одного из кумиров. Быстрое движение серпа с черным гладким лезвием – и хлынувшая из перерезанного горла кровь залила каменную плиту.

А из сарайчика уже тащили такого же ошеломленного парнишку.

Еще один взмах черного серпа – и алая кровь плеснула на толстый живот деревянной «богини» с ощеренной, как у драконихи, пастью.

Снова запрыгали, завывали шаманы. В небо пополз желтый липкий дым. Тела жертв бросили на каменные плиты, привязали ремнями... Словно они могли сбежать.

Черепанов вполголоса выругался: мордовороты Древа Мудрости направлялись к клетке Плавта.

А Геннадий еще не закончил!

Здоровяки ухватились за прутья, напряглись (подполковник увидел, как набухли жилы на бычьих шеях)... Хруст, треск – и жерди вывернулись из гнезд. Прежде чем римлянин успел что-либо предпринять, квеманские богатыри схватили его и потащили к третьему, самому крупному идолу. Между двумя гигантами кентурион казался малышом. Здоровяки опрокинули римлянина на плиту-алтарь площадью с четверть боксерского ринга, прижали к камню.

К счастью, с ходу резать кентуриона не стали. Дерево Мудрости издал каркающий звук, и из хижины вполне самостоятельно, в обнимку, появились юные избранники. В чем мать родила.

Двое шаманов рангом пониже бросили на алтарь охапку шкур – сбоку от распластанного на плите кентуриона.

Девушка улеглась на спину. Она действительно была очень хорошенькая. Юноша неловко взобрался на нее. Дерево Мудрости бросил молодоженам что-то подбадривающее... Но дело не ладилось. Возможно, столь представительная аудитория мешала пацану сосредоточиться.

Шаманы наперебой подавали советы. Один из вождей шепнул что-то другому. Тот заржал.

Там временем Черепанов одолел последний ремень.

Пока все внимание участников церемонии сосредоточилось на оплошавшем юнце, подполковник очень осторожно, безо всякого шума и треска, вынул две жерди и выбрался из клетки. Пригибаясь, он проскользнул между стенами «лабиринта» и оказался позади Древа Мудрости. Его никто не заметил – кроме идолов, которые, естественно, промолчали.

Черепанов очень осторожно снял с головы старца засаленный шляпуган, взялся за волосатую голову и свернул квеманскому «епископу» шею. Аккуратно уложив безвременно усопшего, подполковник неслышно переместился к вождям. Те оживленно беседовали и не заметили, что к ним присоединился третий. То есть заметили, но слишком позд-

но: когда Черепанов одновременно выдернул их ножи из чехлов и полоснул по загорелым шеям. Один хрюкнул и осел, безуспешно пытаясь остановить ладонью хлещущую кровь. Зато второй – тот самый «покупатель» Плавта – успел оттолкнуть руку подполковника, и нож лишь оцарапал горло. Вождь издал рев, достойный быка... но тут же оборвавшийся, когда тяжелая рукоятка второго ножа пришла в соприкосновение с квеманским затылком.

Но рык вождя сделал свое: на Черепанова обратили внимание.

Все дружно завопили. Один из здоровяков тигром прыгнул на подполковника. Тот ускользнул и ловко пихнул в объятья богатыря кстати подвернувшегося шамана.

Тем временем кентурион, тоже парень не промах, времени не терял: врезал по помидорам второму гиганту, подхватил черный серп...

И пошла потеха.

Собственно, Геннадий был уже не нужен. Ему осталось только наблюдать, как действует настоящий специалист.

Один здоровяк тут же свалился с перерезанными поджилками. Трех вопящих шаманов римлянин прикончил походя. И со страшной силой вогнал изогнутый конец серпа второму гиганту в лоб. Серп сломался, а квеман рухнул навзничь с обломком черного камня, блестящего на манер третьего глаза.

Весь процесс занял от силы пару секунд. Ровно столько,

чтобы из хижины, сдирая чехлы с наконечников копий, выскочили еще двое квеманов.

Черепанов бросился наперехват, но кентурион успел раньше.

Один из квеманов перекувырнулся в воздухе и приземлился затылком о камень: ему между ног попало древко копья второго. Но не просто так, а с помощью Плавта, перехватившего это копье и всадившего обломок серпа в живот его прежнего хозяина.

– Извини, приятель, некогда с тобой возиться, – пробормотал подполковник, перерезав горло оглушенному вождю.

С момента, когда Черепанов свернул шею кровожадному дедугану, прошло максимум полминуты, а поле боя уже очистилось от врага. Приятно все же работать с хорошим напарником.

Таким образом внутри частокола остались лишь двое квеманов. Самых юных. Как только парнишке прекратили мешать глупыми советами, он прекрасно справился с задачей и так увлекся, что вышел на второй круг, не замечая, что обстановка существенно изменилась.

Зато подружка его пронзительно закричала, увидав над собой заросшее черным волосом лицо римлянина.

– Хочешь быть вторым? – спросил Плавт Черепанова.

Подполковник мотнул головой. Он решил, что римлянин спятил. Снаружи, по ту сторону частокола толпился народ. И этот народ уже наверняка заподозрил недоброе.

– Ты прав, – сказал кентурион. – Я тоже не люблю быть вторым, но иногда приходится.

С этими словами он схватил неудавшегося отца будущего завоевателя и скинул его с алтаря.

– Пригляди тут, – бросил он Геннадию, занимая место юного квемана. – Не бойся, детка, папа Гонорий умеет делать таких солдатиков, что твоему сопляку и не снилось.

В сарае нашлась пара круглых щитов. Остальное они содрали с убитых. В живых оставили только перепуганную бедняжку («Дал бы тебе пару динариев, да твои соплеменники все вытрясли», – сказал ей на прощание Гонорий) и ее «женуха». Последнего – исключительно по настоянию Черепанова. Кентурион собирался прирезать сопляка.

Снаружи чувствовалось шевеление, но войти никто не решился, хотя ворота и не были заперты.

Плавт взял золотой кувшин с четвертого алтаря, понюхал, пригубил:

– Ба! Череп, хочешь молока?

Черепанов был занят: пытался поджечь смоченную маслом тряпку с помощью кремня и кресала.

– До утра провозишься! – Римлянин отобрал у него инструмент и в два счета добыл огонь. Возможно, он не стал бы помогать, если бы знал, что собирается делать Геннадий.

Пока римлянин набивал мешки добычей и найденной жратвой, подполковник довел дело до конца.

– Эй! Ты что! – заорал кентурион, когда увидел, что его

новый друг поджигает квеманских идолов. – Они же отомстят!

– Спокойно, – отозвался подполковник. – С мезтью разберемса! Зато как красиво горит.

Плавт пожал плечами и обломил древко копья, оставив кусок в две ладони длиной и превратив оружие в подобие короткого меча.

– Так привычней, – пояснил он. – А теперь – вперед!

Закинув мешки за спину, друзья подхватили щиты и бросились к воротам.

Створки они распахнули разом.

– Бар-ра! – страшно заревел римский кентурион, огромными прыжками устремляясь по склону.

– Ур-ра! – вторил ему летчик-космонавт Черепанов, не отстававший ни на шаг.

Народ, столпившийся у подножия холма, порскнул в стороны: два зверовидных воина на фоне пылающих богов (дерево, пропитанное маслом, горит отменно!) – зрелище не для слабонервных. Наверняка никто из квеманов и не вспомнил, что на их стороне двадцатикратный численный перевес. Каждый думал: как бы унести ноги.

На пути чужеземцев оказался один-единственный квеманский молодец, который от страха впал в ступор.

Кентурион сшиб его щитом, перепрыгнул через тело и побежал дальше. К лодкам.

На берегу их оказалось аж пять. Пока Черепанов спихивал

одну на воду, Плавт ловко продырявил днища остальным.

Через минуту они были уже в ста метрах от берега.

Вопли осиротевших квеманов разносились над водой.

– Не забудь, – напомнил Плавт, налегая на свое весло. –

Ты обещал отвести от нас гнев варварских богов.

– С богами я разберусь, – заверил подполковник. – Меня больше люди беспокоят.

– С людьми разберусь я, – заявил кентурион. – Второй раз меня эти пожиратели желудей не возьмут, это точно!

Друзья переглянулись, ухмыльнулись и еще энергичнее налегли на весла.

Над покинутым островом поднимался жирный черный дым.

Глава седьмая, в которой воплощается в жизнь старинная римская пословица

– И куда мы теперь, друг Череп? – спросил Плавт, останавливаясь у развилки.

– Меня зовут Геннадий, – напомнил Черепанов.

– Хорошее имя, – отозвался кентурион. – Эллинское. Означает: благородный. Верно? Но ведь ты не эллин. Кто дал тебе такое имя, варвар?

– Родители. Тебе что-то не по вкусу, Гонорий?

Спору нет, этот римлянин – крутой парень. Но именно таким крутым парням надо время от времени напоминать, с кем они имеют дело.

Секунд десять Черепанов и Плавт играли в «кто кого переглядит».

Римлянин первым отвел глаза, засмеялся:

– Все в порядке, Геннадий. Хорошее имя. И ты тоже хорош. Так куда бы ты хотел направиться?

– Туда, откуда меня увели.

– Что за место? Твоя родина? – Римлянин был заинтересован.

– Нет. Селение. Примерно в двадцати переходах отсюда. Там остался мой друг, и я беспокоюсь, как бы с ним не слу-

чилося худого.

– Как называется это место?

Черепанов пожал плечами:

– Понятия не имею. Мы... прибыли издалека.

В общем, случайно. И даже толком языка здешнего не знали.

– Случайно? – Кентурион одарил Геннадия долгим взглядом, приподнял бровь. Но понял, что его товарищ не склонен давать объяснения.

– Твой друг похож на тебя? – спросил римлянин.

– Отчасти.

– Вряд ли он пропадет, – уверенно произнес кентурион. – Не думай об этом. Ты не можешь ничего сделать. Сейчас. Поэтому мы пойдем туда, куда хочу идти я. А я хочу вернуться домой.

– В Иллирию? – Черепанов помнил, в какой из римских провинций родился его товарищ.

– Дом легионера – его легион. Но для начала нужно выйти к границам империи. Это – там. – Кентурион махнул рукой. – Пойдем со мной, Череп. Мой легат¹¹ Максимин – великий человек. Понравишься ему – поможет отыскать твоего друга. Он знает варваров, и они знают его. Думаю, твой земляк не останется незамеченным среди варваров, если он и впрямь похож на тебя.

¹¹ Легат – военный или гражданский чиновник высокого ранга. В данном случае – командир легиона.

– Пожалуй, – согласился Черепанов.

«Уж Леха-то, с его темпераментом и с охапкой артефактов двадцать первого века, внимание на себя наверняка обратит, – подумал подполковник. – Лишь бы только не грохнули его из-за этого темперамента и ценного имущества».

Но римлянин прав: Геннадий не в состоянии помочь Алексею. Даже дороги в тот поселок не отыщет – заплутает в здешних чащах и болотах.

– Я пойду с тобой. Куда?

– На юг. – Кентурион вскинул на плечо мешок и решительно двинулся по левой тропинке.

Геннадий последовал за ним. В конце концов, он с самого начала собирался добраться до Рима. Даже Леху в этом убедил. И решительный кентурион – именно тот человек, которого стоит иметь рядом, когда оказываешься в чужой стране. С первого взгляда видно, что Плавт – из тех, на кого можно положиться. Из тех, у кого на лбу написано: «Хочешь со мной поссориться? Давай! Увидишь, что будет!» В любом случае выбора у Геннадия нет. «*Volentem fata ducunt, nolentem trahunt*»¹² – как говорят земляки Плавта.

¹² *Volentem fata ducunt, nolentem trahunt* (лат.) – желающего судьба ведет, нежелающего – тащит.

Глава восьмая, *в которой господа офицеры совершают разбойничий налет*

Если сравнить этот лес с азиатскими джунглями или южноамериканской сельвой, – нет, никакого сравнения. Нормальная растительность юга России. Первосортный лиственный лес. Старый. С кучей грибов и ягод. С великолепными дубовыми рощами на возвышенностях, с бесчисленным зверьем. Пуганым, к сожалению.

Тем не менее Черепанов чувствовал себя в этом лесу как дома. Куда лучше, чем его римский приятель. Который, впрочем, не жаловался.

В первый день они отмахали километров сорок. Форсированным маршем. Черепанов слегка запарился (не мальчик, чай), а кентуриону – хоть бы что. Пер по лесу, как лось. При чем волок на горбу килограммов тридцать всякого барахла, не считая оружия. Когда Черепанов посетовал: жаль, лошадей нет, – римлянин только фыркнул:

– Сразу видать, ты не легионер! Знаешь, как нас зовут? Мулы!

– Что? – не понял Черепанов.

– Помесь лошади и осла! Потому что не всякий осел унесет столько, сколько воин великого Рима.

– И что же он несет? – поинтересовался Черепанов.

– Во-первых, оружие. Гладий, кинжал, пилум, пила...

– Пила – это что? – спросил Черепанов. Что такое пилум, он знал.

– Тоже копье, но поменьше. Метать. Затем skutum. Это большой щит. Потом шлем, составной доспех (лорика сегментата)¹³. Это оружие. Во-вторых: сундучок для личных вещей, фляга, миска и котелок, запас пищи дней на пять, сагум...¹⁴ Когда сухой, он весит немного, но если намокнет... Дальше: строительный инструмент – кирка, мотыга или лопата...

– Слушай, – перебил Геннадий, – как же можно унести такую прорву?

– Еще как можно! – с удовольствием заявил кентурион. – Это вы, варвары, как обезьяны: все в руках тащите (Черепанов решил на «варваров» не обижаться). А у нас для того фурка есть.

– Это что?

– Такая палка. С поперечиной. И с веревкой. – Плавт изобразил руками нечто вроде подобия небольшого лука, привязанного к шесту. Очень удобно. Но это еще не все. Если местность голая, то каждый еще два кола несет. Для ла-

¹³ Кожаная рубаха с нашитыми на нее металлическими пластинами: лорика заменила распространенную ранее кольчугу-безрукавку, поскольку обеспечивала большую свободу движений.

¹⁴ Сагум – шерстяной плащ.

герного частокола. Ну и кошель, конечно, который у хорошего легионера никогда не бывает легким.

Черепанов представил себе навьюченного подобным образом солдатака...

– И со всем этим барахлом он еще ходит?

– Еще как! – гордо заявил Плавт. – Тридцать миль¹⁵ в день.

Римский сол...

– Стой! – оборвал его Геннадий.

Кентурион мгновенно заткнулся и остановился тоже мгновенно: замер с поднятой ногой.

Черепанов осторожно обогнул его, наклонился: точно. Тоненькая бечевка, выкрашенная в зеленый цвет, натянута поперек тропы. Ни хрена себе! Неужели мина на растяжке? Здесь? Сердце екнуло.

Подполковник осторожно снял со спины мешок, сложил на землю оружие. Другой конец бечевки прятался в кустарнике. Черепанов проследил его... И ощутил мгновенное разочарование. Самострел. Причем настроженный на зверя, а не на человека: слишком низкий прицел. Но ногу вполне могло продырявить.

– Ага. – Гонорий протиснулся сквозь кусты, увидел самострел. – На кабана. Молодец, Череп. Глазастый.

Последнего слова Геннадий не понял, но догадался.

– А ведь это хорошая новость, – продолжал между тем римлянин. – Значит, где-то поблизости люди.

¹⁵ Римская миля – тысяча двойных шагов, примерно 1,5–1,6 км

– Считаешь, это хорошо?

– Ну да! – Кентурион даже удивился. – Запасы дополним.

Сориентируемся. Может, там и женщины найдутся. Мой маленький приап, – Гонорий похлопал по соответствующему месту, – без женщин очень скучает.

Черепанов хмыкнул:

– И как ты собираешься их искать?

– Я бы подождал здесь, – ответил римлянин, – но не думаю, что это хорошая мысль.

– Плохая, – согласился Черепанов. – Август кончается.

Если уже не кончился.

– Август¹⁶ умер? – удивился Плавт. – А, ты говоришь о месяце.

– Да. На носу осень. Не знаю, как ты, а я предпочитаю

¹⁶ Август – титулование римского императора. Впервые принят «наследником» Юлия Цезаря (Кесаря, но для имен будет сохранено более привычное для нас произношение) Юнием Октавианом и означает «священный». Наш месяц август, соответственно, сохранил римское название. Кстати, июль также назван в честь первого римского императора, Юлия Цезаря. Вообще в русском языке на удивление много латинских слов, что и позволяет герою кое-как изъясняться с римлянином. Здесь нет особой натяжки и нет нарушения принципа, которого я придерживался и придерживаюсь при создании романов историко-приключенческой серии: во всем, кроме первой посылки (попадание наших современников в мир прошлого) – никакой фантастики: голый реализм и историческая достоверность. Но разумеется, латинское произношение и грамматика Черепанова поначалу оставляют желать... Например, следующая фраза: «Я предпочитаю идти, когда тепло и сухо, чем когда мокро и холодно» в варианте Черепанова (опирающемся на его словарный запас) звучит на латыни примерно так: «Мой приоритет ходить в сухой и теплый погода, не водный и холодный». Но для удобства чтения я «адаптирую» реплики героя в соответствии с правилами русского языка.

идти, когда тепло и сухо, а не когда мокро и холодно.

Поэтому они перешагнули через веревочку и двинулись дальше. Но вскоре после полудня им улыбнулась удача.

Плавт остановился и потянул носом воздух:

– Чуешь?

– Что?

– Дым. Дымом пахнет.

– Пожар? – насторожился Черепанов.

Римлянин принялся еще разок, и узкие губы его растянулись в улыбке.

– Не-ет... Пожар по-другому пахнет. Ну-ка, пойдем! – и решительно свернул в чашу.

Спустя четверть часа Черепанов убедился, что кентурион был прав: то был не лесной пожар, а расчистка под поле. Горели обложенные хворостом пни на вырубке.

– Ну у тебя нюх! – восхитился Геннадий.

Гонорий ухмыльнулся... Но как-то криво.

– Ты меня обманул! – воскликнул подполковник.

– Но ведь это не пожар! – возразил Плавт. – Пошли, нечего время терять! – И вытянул из петли на поясе импровизированный меч. На первой же после побега стоянке кентурион подрезал древко квеманской рогатины по руке, обмотал куском кожи, а края наконечника отточил поострее. Получилось вполне приличное оружие: нечто среднее между длинным кинжалом и коротким мечом.

По хорошо заметной тропинке они вышли к дому – нет,

домом это называть не стоило. Халупа, отличавшаяся от соседнего сарая только размерами.

Кентурион скинул мешок и огромными прыжками устремился к избушке.

Подполковник за ним не побежал. Поэтому у него хватило времени увидеть на земле свежие следы раздвоенных копыт. Относительно свежие. И менее заметные, но все же различимые на взрытой почве отпечатки чуней. Большие и маленькие. Да, можно было не торопиться. Обитатели халупы, кем-то предупрежденные, успели сделать ноги. Геннадий их понимал. Наверняка слух о «подвигах» двух чужеземцев уже успел широко разойтись. Ни один разумный человек не стал бы рисковать и встречаться с парой кровожадных отморожков, если у него за спиной нет небольшой армии. Тем более слухи склонны преувеличивать все, в том числе боевые возможности чужеземцев.

Так что подполковник никуда торопиться не стал. Подобрал мешок римлянина и без лишней спешки двинулся к избе, полагая, что в ней уже никого нет.

Существовала, конечно, вероятность засады, но Черепанов не мог представить здесь такой засады, которая бесшумно взяла бы Гонория Плавта Аптуса.

Геннадий ошибся. Изба не была пуста. В ней обнаружился один из местных жителей, не ударившийся в бега, вероятно, по причине преклонного возраста.

Замшелый дедок с грязно-желтой бородой до колен, кото-

рый в настоящий момент беседовал с разочарованным римлянином.

Беседа не складывалась. Вообще-то кентурион не был профаном в языкознании. Как успел выяснить Геннадий, Плавт свободно говорил по-гречески и по-сирийски; немного знал парфянское наречие (на уровне армейского разговорника: «стоять!», «бросить оружие!», «где стоит ваша часть?», «нам нужен провиант!» – и далее). А вот в местном языке кентурион ничего не смыслил: не пожелал гордый римлянин изучать язык своих «хозяев». Дедок, как и следовало ожидать, латыни не ведал. Но в старческий маразм не впал и охотно отозвался на приветствие Черепанова.

Подполковник с облегчением скинул на лавку мешки.
– Спроси, где его родичи? – потребовал кентурион.

Геннадий спросил.

Ушли родичи. Давно ушли. Не догнать.

Насчет «давно» старый пенек врал, но Черепанов не стал его уличать.

Пока Черепанов беседовал, Плавт «проводил обыск» помещения. Со сноровкой, выдающей большой опыт. Хотя что в такой избушке спрячешь? Все на виду. И горшки-лари-бочонки. И окорока свиные копченые – прямо над очагом висят.

Единственными существенными находками были старый меч из почерневшей бронзы и помятый, но старательно выправленный медный шлем с куцыми ошметками некогда

красного султана.

– Спроси его: золото у них есть? – потребовал кентурион.

«Откуда у них золото, у такой бедноты?» – подумал Черепанов. Хотя, может, это и не беднота? По местным масштабам.

– Где золото прячешь, дед?

Старик замахал руками: какое золото, почтенные?

– Серебро, оружие?

Ответ аналогичный.

– Пятки ему прижечь надо бы... – деловито произнес

Плавт.

– Может, он не врет? – Идея пытать старичка подполковнику не очень понравилась. – Зачем нам их деньги? У нас в мешках минимум два кило золота.

Золото они на капище взяли.

– Золота много не бывает, – философски заметил кентурион. – А мне очень много золота нужно, Череп. У меня в Риме большие долги остались. Очень большие долги...

Судя по выражению лица кентуриона, свои долги он собирался платить не золотом, а железом. Но Геннадий не стал вдаваться в подробности.

– Думаю, старик не врет, – повторил он.

– Может, и не врет. Вот и узнаем. А заодно узнаем, где их бабы попрятались. Не могли они далеко уйти – со скотом и детишками.

Оказывается, не один Черепанов следы заметил!

– Давай спрашивай! – потребовал кентурион. – А ты, дед, учти: я шуток не шучу! – Плавт сунул старику под нос лезвие ножа.

Дед скосил глаза на нож, но не шибко испугался. А когда Черепанов спросил, куда спрятались его родичи, бесстрашно заявил, что незваные гости их никогда не найдут. Они могут убить старого Кнеуха, Кнеуху все равно.

– Я тебе нос отрежу. И уши. Где они?

Внезапно Черепанову показалось: ему все это снится. И во сне повторяется то, что было в жизни. Только тогда он сам сидел со связанными за спиной руками и маленький жилистый краснокожий человечек вертел у него перед носом блестящим кривым ножом. И кричал на чужом языке. А большой чернокожий человек переводил этот крик бесцветным равнодушным голосом...

Глава девятая, в которой Геннадий Черепанов вспоминает кое-что из того, о чем предпочитает не вспоминать

Он приземлился на дерево. Относительно удачно, ничего не сломал. Даже не ободрался. Без особого труда, обрезав стропы, спустился вниз. Посидел немного на травке, приходя в себя, ожидая, пока спадет неизбежный после стресса колотун и восстановятся силы.

Объективно говоря, ситуация была аховая. Триста километров по чертовым горам, по проклятым местам, где цивилизацией и не пахнет, где, по слухам, из двуногих – только птицы и дикари с отравленными стрелами. Будь это боевой вылет, было бы легче. Хотя бы потому, что у него был бы спаскомплект – с картами и полным «джентльменским набором» для выживания. Да и искали бы его старательно и до победного конца. Всего и дело-то – оставаться где-нибудь поблизости от обломков самолета и просигналить подмоге, когда она прилетит. Нет, ерунда. Это идеальный вариант – если ты грохнулся на собственной территории. А на чужой... На чужой первыми к месту падения явятся совсем другие парни. И эти парни будут настроены очень недружелюбно. Еще бы! Извечная ненависть ползающих по земле к

парящим в небе. А если «парящие» в придачу имеют обыкновение швыряться напалмовыми, вакуумными, кассетными и прочими смертоносными игрушками, если они способны превращать гектары земной поверхности вместе со всеми их обитателями в огненные озера...

Так что объективно дикари лучше.

Геннадий поглядел наверх, где запутался в ветвях парашют. Высоковато. Обрезанные стропы болтались метрах в двух над головой – не допрыгнуть. То есть в принципе залезть можно: ствол густо оплетен всякими ползучими лианами. Но игра не стоила свеч.

Черепанов встал. Подвигал руками-ногами-головой, проверяя, как чувствует себя организм. Что ж... бывало и лучше. Но серьезных травм нет, и это хорошо. Значит, в путь.

За три дня он прошел километров двадцать пять. Будь у него мачете и веревка – результат увеличился бы вдвое. Самый отвратительный вариант горной местности – это горная местность, сплошь заросшая всякой ботаникой. Часто – колючей. Еще чаще – изобилующей представителями фауны. Мелкой и зловредной. Больше всего Геннадий опасался подхватить какую-нибудь дрянь вроде лихорадки или местного энцефалита. Зато с более крупными представителями животного мира проблем было значительно меньше. Вопреки кинематографическим стандартам, Черепанова не укусили ни ядовитая змея, ни паук размером с чайное блюдце. То есть он видел и змей, и пауков, но поскольку не хватал их

руками и не наступал на хвосты, то змеи и пауки тоже его не трогали. У них были свои дела, у Геннадия – свои. Правда, вечером второго дня его навестила пума. Остановилась шагах в десяти от костра и с большим интересом наблюдала, как человек кушает поджаренного на костре грызуна, напомиавшего при жизни очень большую морскую свинку. Возможно, пума рассчитывала, что человек с ней поделится. Но Черепанов и в лучшие времена не был склонен к благотворительности, к тому же не собирался прикармливать диких зверей. Страх он также не испытывал. Пума размерами не превышала немецкой овчарки и ни малейшей агрессии не выказывала. А пожелай она напасть – ее трудности. У Черепанова под рукой имелся старенький, но вполне надежный кольт, которым чья-то добрая душа снабдила аварийный комплект.

И Геннадий не сомневался, что успеет им воспользоваться, если что. Но пума не напала. Посидела неподалеку с полчаса и удалилась. Огня, что характерно, она совершенно не боялась.

А на следующий день Геннадий нашел труп.

Собственно, день не складывался с самого начала. С утра. Началось с того, что пришлось выбросить остатки «морской свинки» – мясо кишело маленькими красными и ужасно кусачими муравьями. Потом пришлось обходить полкилометра сплошных зарослей, сквозь которые без мачете пробиться невозможно. Вдобавок вода во фляге заканчивалась, а ручки, которые то и дело попадались в прошлые дни, куда-то

запропастились. Наконец Черепанов вышел-таки к речке. Но радости в этом было мало, потому что речка текла по дну узкой расщелины с совершенно отвесными и кое-где даже отрицательными склонами. До дна было рукой подать – метров двадцать. Минута – при наличии веревки. Или пара секунд полета. Других способов добраться до воды не имелось.

И при этом чертова расщелина шла аккуратно поперек маршрута.

Зато левее Черепанов углядел древесный ствол, очень удачно улегшийся поперек пропасти. И обрадовался.

А зря. Потому что весь следующий час пробивался к заветному месту через колючий кустарник, для прочности «усиленный» живой сетью из каких-то ползучих растений. Злой и исцарапанный, с помощью ножа и матерщины он наконец пробился к цели, однако цель оказалась – с подвохом. Естественный «мост» успел изрядно подгнить, облезть и покрыться слоем сизой скользкой плесени. Но мысль о том, чтобы совершить еще один бросок через колючки, сделала Геннадия достаточно решительным. Одному Богу известно, как ему удалось не навернуться. Ствол местами сгнил настолько, что руки тонули в мокрой трухе. Там же, где не было гнили, ствол на ощупь напоминал полированную гранитную колонну, щедро политую шампунем.

А внизу, между ма-аленькими (если смотреть сверху) камешками, весело струилась речка.

Но Черепанов все-таки не сверзился, перелез, взобрался

на очередной холм, увенчанный здоровенным деревом, наминавшим кедр... И увидел труп.

Труп выглядел давнишним: плоти на костях почти совсем не осталось. Хотя, может, потрудились здешнее зверье.

Черепанов не любил трупов. Ни старых, ни свежих. Этот же ему особенно не понравился. Поскольку был совсем маленьким, явно детским. И был приколочен к дереву с помощью ржавых стальных костылей.

Чисто рефлекторно Геннадий проверил: на месте ли револьвер. На месте.

Преодолевая отвращение, Черепанов подошел поближе. На красноватой коре были выцарапаны какие-то знаки. Костыли вогнали прямо в них.

С макушки почти голого черепа черной паклей свисали длинные пряди волос. Чертовски маленький скелет. Даже если учесть, что здешние аборигены отнюдь не великаны. И еще одна неприятная деталь: локтевые и коленные суставы скелетика были раздроблены. Разумеется, это могли сделать и после смерти бедняги. Так же, как и прибить к дереву могли уже мертвое тело...

Дальнейшие действия Геннадия вряд ли можно было назвать разумными. Просто откуда-то изнутри возникло непреодолимое желание сделать это. И он сделал. Подобрал с земли камень побольше, выбил из дерева костыли, снял маленький скелетик, вырыл ножом неглубокую яму и похоронил останки.

На это все у Геннадия ушло несколько часов.

В общем, глупость. И он отдавал себе отчет, что делает глупость: практика выживания подобной лирики, мягко говоря, не одобряет. Но Черепанов не мог поступить иначе. Не мог, и все.

Компенсируя потерянное время, остаток дня он двигался ускоренным маршем, и к вечеру ему повезло: наткнулся на источник – маленький родничок, сочащийся между камней, на которых обнаружился еще и ужин: десятка полтора больших улиток.

Все бы хорошо, но Геннадия не оставляло отвратительное чувство: будто кто-то смотрит в затылок. Когда стемнело, Черепанов, вопреки обыкновению, костра разводить не стал. Четвероногого зверья он уже не боялся. А вот зверья двуногого, способного на извращенное убийство ребенка... Конечно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и в цивилизованной нынче Европе еще лет двести-триста назад «лишних» младенцев живьем в сугроб выкидывали... Однако ж Геннадий был убежден, что обилие подлецов вокруг – недостаточный повод, чтобы самому стать подлецом. Хотя и осознавал, что подобные убеждения серьезно препятствуют карьере.

Спал Черепанов на дереве. Привязавшись ремнем. Не самый комфортабельный вид ночлега. Особенно если по тебе постоянно бегают какая-то мелкая живность.

В общем, ночь прошла – и слава Богу. А утро...

Утро преподнесло неприятный сюрприз. Когда, цепляясь за лианы и покряхтывая от боли в отлежанных местах, Геннадий спустился на землю, прямо у него над ухом раздался негромкий удар. Черепанов скосил глаза и увидел воткнувшуюся в бугристую кору стрелу. Перышки на ее охвостье были ярко-алыми, а наконечник вошел в дерево совсем неглубоко. И потому было отлично видно, что он вымазан какой-то черной липкой дрянью. Отчасти поэтому Черепанов не стал делать лишних движений, когда из зарослей материализовались трое аборигенов. Причем только один из них держал в руке лук. Остальные были вооружены вполне современно: армейскими винтовками. И одеты были аборигены соответственно: двое с винтовками – в линялые шорты, а вот голова третьего украшена плюмажем из ярких перьев.

Этот третий выглядел особенно неприятно, хотя и остальных никто не назвал бы симпатягами: плоские коричневые физиономии, похожие на маски из крашеного дерева. А вот морда третьего и впрямь была маской: ее покрывал слой серой глины, на который были нанесены синие, красные и черные полосы. Выглядело жутковато. Но Черепанова куда больше беспокоили не морда «замаскированного» и нацеленный в живот кончик стрелы, смазанный черной дрянью. Даже карабины пугали меньше. Карабин – привычное оружие. Но отравленная стрела...

– Ты! Пистолет. Брось! – скомандовал раскрашенный на ломаном английском.

**Глава десятая,
в которой Черепанов узнает кое-
что о религиозных пристрастиях
кентуриона, а также о том,
как тот решает проблемы
и пресекает разногласия**

– Оставь его, – сказал Геннадий римлянину. – Давай лучше пожрем горячего. Вон у них горшок с похлебкой. И искать не надо.

– Успеем, – отмахнулся Плавт. – Ну все, дед! Прощайся с ухом!

Кентурион схватил старика за волосы... Но довести операцию до конца не смог.

– Эй, Череп! Ты что делаешь? – Римлянин рванулся, но освободить руку с ножом из захвата Геннадия ему не светило. – Ты спятил! – выкрикнул кентурион, отпустил деда, замахнулся... И оказался в совершенно беспомощном положении. Нож, выпавший из его пальцев, глухо стукнул о земляной пол.

Старик квеман с опаской наблюдал за этой сценой.

– Предатель! – зарычал Гонорий, делая безуспешные попытки вывернуться из борцовских объятий Черепанова. –

Помет стервятника! Я тебя убью!

Геннадий внезапно разжал руки. Рванувшийся римлянин едва не упал. Но тут же развернулся и схватился за оружие.

Подполковник демонстративно скрестил руки на груди.

Острие укороченного квеманского копья остановилось в ладони от его горла.

– Не стоит, – спокойно произнес Геннадий. – Мы нужны друг другу. И деда не трогай. Не надо.

– Пошел ты к Орку! – в ярости закричал римлянин. – Я ремней нарежу из этого старого пня!

Подполковник покачал головой:

– Нет.

– Да!

– Тогда начни с меня.

Римлянин несколько секунд бешено глядел на Черепанова. Широкое железное перо наконечника маячило в дециметре от сонной артерии. Геннадий знал, что если Гонорий захочет его убить, то так и сделает. Он умел пользоваться оружием этого времени не в пример лучше Геннадия. Но подполковник не сомневался, что кентурион не ударит. Черепанов просто и мысли не допускал, что такое возможно. И знал, что его уверенность сама по себе способна предотвратить удар. Настоящего врага такое, конечно, не остановит, но Гонорий – не враг...

– Но почему? Что тебе этот старый пень? – в сердцах воскликнул кентурион, опуская оружие.

– Не хочу, чтобы ты его трогал, вот и все.

– Но как я тогда узнаю, где спрятались его бабы? – В голосе кентуриона звучали обида и разочарование.

– Неужели ты не можешь воздержаться от женщин неде-лю-другую? – с легкой иронией спросил Геннадий.

Гонорий в сердцах метнул свое оружие. Квеманское копье с обломанным древком рассекло воздух – так близко от головы Черепанова, что у того даже волосы шевельнулись, – и воткнулось в стену.

– Ты не понимаешь, варвар! – напыщенно воскликнул римлянин. – Приап – мой бог! Если я не стану служить ему, он не пошлет мне ни удачи, ни милости!

– Сядь, – предложил Черепанов. – Давай мыслить логически.

– Логически... – проворчал Плавт. – Вот еще... Будто я какой-нибудь долбаный грек... Мне эта тухлая логика еще в школе надоела. Логически! Тьфу!

Тем не менее он уселся на скамью, и Геннадий тут же под-сунул ему горшок с похлебкой и черную корявую ложку.

Пару минут они молча наворачивали густой квеманский супчик.

Стойкий дед глядел на них сычом, но не таковы были Ген-надий с Гонорием, чтобы от недоброжелательного взгляда у них пропал аппетит.

– Ну, – сказал Плавт, когда горшок опустел, – что ты там о логике толковал?

– Почему ты думаешь, что твой бог подобен крысе? – осведомился Черепанов.

– Что?!

– А то! Только крыса жрет все подряд, любую дрянь, которую можно сожрать. Думаешь, он хочет, чтобы ты, как бес-толковый щен, запрыгивал на все, что движется? Может, дело не в боге Приапе, а в твоём собственном приапе? Может, тебе нравится... сам процесс?

Кентурион нахмурился:

– Ну... Допустим, тоже нравится. Ну что? Почему не должно нравиться мне, если нравится моему богу?

– Ладно, – не стал спорить Геннадий. – Но ты сам говорил, что у тебя три месяца не было женщин.

– Говорил.

– И что твоему богу это не нравится, говорил?

– Говорил.

– И вот, в результате ты оказался на свободе и в хорошей компании! – Черепанов ухмыльнулся и ткнул себя в грудь.

– Возможно, моему богу еще меньше нравилось, что я не могу ему служить, – возразил Плавт.

– Допустим. Но в таком случае что ты суетишься? Твой бог наверняка обеспечит тебя всем необходимым.

Кентурион усмехнулся:

– А ты здорово наловчился болтать по-латыни, варвар! Ладно, не стану отрезать деду уши. Поглядим, прав ты или нет.

Он подошел к стене и выдернул из бревна оружие.

– Я не буду отрезать ему уши... – Римлянин молниеносно повернулся – и старик, хрипя, опрокинулся с лавки. – Я его просто убью, – закончил Гонорий, наступая старому квеману на живот и выдергивая оружие.

Изо рта деда хлынула кровь, и он умер.

– Не оставлять врага за спиной – так меня учили, – бросил кентурион мрачному Черепанову. – Пошли! Чует мое сердце, если его семейка вернется, то вместе с ними заявится целая прорва разъяренных варваров. Все же зря ты порубил их богов!

– Не зря. – Геннадий закинул на спину мешок. – От этого мы с тобой станем проворней.

– С чего бы?

– Будем знать, что с нами сделают, если поймают.

Глава одиннадцатая, в которой Геннадий Черепанов вновь обращается к воспоминаниям

Туземные боги, духи, зомби и прочая нечисть – существа разнообразные, капризные и непредсказуемые. Но всех объединяет одно: стремясь им угодить, люди совершают такие паскудства, о которых даже думать тошно. И при этом абсолютно уверены, что имеют право.

Индейцев в хижине было четверо. Вождь с лицом, смахивающим на перезрелую грушу, колдун (нечто неопишное и омерзительное), толмач – амбал-полукровка с добавкой негритянской крови, и мелкий, похожий на тощего пацана индеец по имени Тца. Тца единственный вел себя естественно: вертел ножом перед носом привязанного к стулу Геннадия. Тца был в бешенстве. Он вопил, шипел и плевался.

– Я с тебя шкуру сдеру, белый. Я тебе яйца отрежу, сварю и сожрать заставлю. Зачем ты это сделал, ты... – флегматично переводил толмач.

Английский у полукровки был так себе. Для философских бесед не годился. Но чтобы вразумительно объяснить, почему Черепанова так нелюбезно приняли, словарного запаса хватило.

Девочка, труп которой опрометчиво похоронил Черепанов

нов, была дочкой того, кто сейчас вертел у Геннадия перед носом разделочным ножом. Папаша продал ее вождю, а вождь передал колдуну для использования в ритуале, предназначенном для подкупа злых духов, чтобы те, в свою очередь, оказали поддержку племени в споре с соседями. Конфликт произошел из-за небольшой долины по соседству. В долине выращивалось нечто особо ценное белыми людьми и дорогостоящее. Черепанов подозревал: какое-то сырье для наркотиков. Тело несчастной девочки должно было провисеть на дереве сколько-то времени, после чего с ее косточками что-то такое собирались сделать... Не важно что. Для Черепанова не важно. А вообще-то очень важно, потому что колдун заявил, что все труды его – впустую. И более того – духи обиделись, и теперь их следует задабривать. Поначалу и Черепанова приняли за духа, потому что не знали, откуда он появился в здешних местах. Поэтому за ним некоторое время следили, но не трогали. Опасались. Но вскоре местные отыскали парашют и поняли, что имеют дело с человеком. А с человеком можно не церемониться. По их меркам, колдун, который зверски замучил маленькую девочку, и раскрашенный папаша, который продал собственную дочь, – закона не нарушали. А вот Черепанов – нарушил. И должен быть наказан. По местному праву выбор способа казни принадлежал вождю.

И вождь колебался: скормить ли преступника мелким сухопутным крабам, в изобилии водящимся в окрестностях,

или привязать у муравейника. Вождь колебался, потому что колдун не мог уверенно ответить, какой именно способ казни более симпатичен духам. А сейчас эти двое вызвали охотника Тца (который, кстати, был одним из тех, кто выследил Черепанова) и потребовали, чтобы тот вернул поученные за дочку деньги. Поэтому Тца так рассердился и так размахивал ножом, которым, несомненно, умел пользоваться. Шаман был склонен разрешить Тца отрезать от Черепанова кусочек-другой. Вождь был против. Главным же заступником Геннадия был, как ни странно, толмач.

За трое суток, проведенных Геннадием в индейском поселке, толмач был единственным человеком, который выказал Черепанову что-то вроде симпатии. Вероятно, потому, что полукровка сам был в поселке гостем. Правда, гостем, пользовавшимся определенным уважением, поскольку у него здесь была отдельная хижина и своя «женщина», девчонка лет тринадцати, с которой толмач занимался любовью по нескольку раз в день, выказывая большую выносливость. Все это Черепанов знал доподлинно, поскольку большую часть времени валялся связанным на земляном полу хижины толмача. Черепанов подозревал, что, пользуя свою маленькую подружку на глазах пленника, полукровка демонстрирует ему, пленнику, свое превосходство. В промежутках между половыми актами толмач усаживался рядом с летчиком и обстоятельно разъяснял, в чем он, летчик, был не прав, и пытался вызнать код черепановской кредитки. Толмач был

не чужд цивилизации. Как выяснилось позже, он являлся связующим звеном между этой самой «цивилизацией» и дикарями-горцами. И не одобрял идею скормить Черепанова крабам, полагая, что летчику можно найти лучшее применение. Толмач полагал, что за Черепанова заплатят хорошие деньги.

Тца схватил Черепанова за нос и взмахнул ножом... Пугал, сволоочь. Без дозволения вождя этот паршивец портить лицо пленнику не рискнет. Шакал. Будь Геннадий свободен, он бы тщедушного аборигена голыми руками на части порвал. Знать бы, что все так обернется, хрен бы они его взяли так просто. Ну, как говорится: знал бы, куда упадешь, соломки бы подстелил.

Толмач что-то сказал вождю. Вождь вякнул по-своему, и Тца оставил Черепанова в покое.

Между полукровкой и вождем возникла дискуссия. Похоже, толмач предлагал Черепанова продать. Геннадий, разумеется, слов не понимал, но мулат сопровождал речь активной жестикуляцией, а слово «доллар» – оно международное. Похоже, вождь склонен был согласиться. И даже Тца успокоился: решил, видно, что и ему что-то перепадет. Жаден, паршивец. Дикарь. Черепановский «роллекс», подарок хорошего человека, себе на шею повесил. На один шнурок с когтями, зубами и прочей пакостью.

Вождь уже почти согласился было, кивать начал, но тут встрял шаман. Есть такие люди: одного взгляда достаточно,

чтобы понять – гнида и садист.

Разорался шаман, завизжал, зафыркал. Принялся вождя стращать, толмачу «козу» показал. Мулат стерпел, попытался вежливо возразить... Шаман перебил: завопил еще громче.

– Взял бы ты его за ноги – да и треснул о столб, – громко посоветовал Геннадий по-английски.

Толмач зыркнул на него и тут же отвернулся. Остальные даже голов не повернули. Для них Геннадий – не человек.

Чужак – и этим все сказано. Конечно, жизнь у них – не сахар. Нищета. Насекомые. Всей цивилизации – дизель у хижины старосты да спутниковый телефон – у толмача. (Вот бы украсть! Хоть на пару минут.) И оружие, разумеется.

Толмача зовут незамысловато: Сэм. Через него в селение приходит много разных полезных вещей. Например, карабины. И виски. И медикаменты.

И порножурналы, которые, впрочем, привлекают туземцев не столько содержанием, сколько цветной яркостью глянцевых картинок. Толмач – полезный чужак, поэтому к нему прислушиваются.

С его подачи пленнику предоставили даже кое-какую свободу. Посадили на цепь перед хижинкой.

И кормят полезным для здоровья неочищенным рисом. Рис – не здешний. Его насыпают из мешка с иероглифической надписью. Мяса не дают. Когда Тца убил дикую свинью, ее ели всем местным табором, но Черепанова никто не уго-

стил.

Вообще-то туземцы – симпатичный народ. Особенно дети. Изящные, смуглые, большеглазые. Глянцево-черные волосы, белые ровные зубы. Но здешняя красота быстро сходит на нет. Особенно у женщин, которым приходится вкалывать от зари до зари.

Детишки делают попытки пообщаться с Геннадием. Они еще не знают, что чужак – не человек. Им любопытно. Дети – и шаман. Этот еще в первый день отрезал у Черепанова клочок волос и попытался наворожить какую-то гадость. Теперь приходит и высматривает: не подействовало ли колдовство?

Геннадий развлекается тем, что обкладывает шамана по-русски, многоэтажно. Тот слушает. Вникает. Морщит собачью черную морду.

Пятый день в плену...

Толмач ушел. Звякнул по трубе, поговорил о чем-то по-испански, трахнул напоследок свою девчонку, сказал Черепанову «гуд бай, флаер» – и отбыл.

И сука-шаман воспользовался его отсутствием, чтобы уломать вождя.

На третий день Черепанову подмешали в рис какую-то дрянь, и он отключился. Пришел в себя на камешках, у ручья. Голый. Связанный по рукам и ногам. Качественно связанный. Вокруг расположились аборигены: шаман, вождь, старейшины, пяток наиболее авторитетных охотников. Су-

ка-шаман подошел, наклонился и полоснул Черепанова ножом по животу. Неглубоко, только кожу вспорол. Кровь пустил. И тоже уселся на почетном месте. Ожидался увлекательный спектакль. С Черепановым в главной роли. В роли главного блюда. На кровь тут же слетелись мухи, облепили рану. Геннадий толкнулся связанными ногами и скатился в ручей. Вода была ледяная. Мухам она не понравилась. Черепанов уткнулся лицом в мелкие камешки на дне. Утонуть все же приятней, чем быть заживо съеденным.

Утонуть ему не дали. Схватили, вытащили, придавили ноги бревном: лежи, не рыпайся.

– Край!¹⁷ – с мерзкой улыбочкой посоветовал шаман. – Край!

Надо же, какие мы полиглоты.

Положение у Черепанова было – хуже некуда. Но все равно не верилось, что это конец. И еще было очень обидно. Ну что за удача у него такая долбаная! Сколько раз уже так бывало: надежное, казалось бы, дело внезапно оборачивается морем каких-то диких, абсолютно неожиданных проблем. При этом Геннадий – не из тех, кто ищет приключений на свое седалище. Совсем наоборот. Долбанные приключения сами его находят, выскакивают, словно крыса из-под холодильника, и нагло хватают за палец. Почему, черт возьми, эта долбаная крыса поселилась именно под его холодильником?

Сколько Черепанов себя помнил, всегда было именно так.

¹⁷ Кричи! (англ.)

Причем в по-настоящему опасных операциях, когда риск запланирован и учтен, все шло как по маслу. Его личный магнетизм в отношении всяких обломов и безобразий проявлялся внезапно и похабно. Как полтергейст. Геннадий этот аспект своей жизни осознавал и старался учитывать любую потенциальную неприятность. Черепанов был почти уверен: возьми он с собой спутниковый телефон и договорись о подстраховке с местными спасателями (есть же здесь спасатели?), обошлось бы без катапультирования. Отлетал бы нормально.

Была, правда, у черепановских «приключений» одна положительная особенность. Каждый раз как-то удавалось выкрутиться. На автопилоте. Как черепановскому соседу-бизнесмену уже два года удавалось каждый вечер безаварийно возвращаться домой на собственной «мазде», выжирая перед тем минимум два стакана. И ни одного ДТП. Утром на похмельную голову сосед вспоминал и ужасался. Понимал, что эта везуха – до первого ЧП. Второго уже не будет. Утром понимал, а вечером опять, набухавшись, усаживался за руль.

Точно так же и Геннадий понимал: и ему одного раза будет вполне достаточно. Но сейчас хотелось надеяться, что этот первый и последний раз еще не наступил. Пожалуй, это единственное, на что мог надеяться голый связанный человек, на которого уже взбирался первый и совсем безобидный на вид маленький клешнястый крабик.

Глава двенадцатая

И пал с неба гром...

И пал с неба гром.

И пришло спасение в облике...

В облике пятнистого брюха транспортного вертолета, сначала обрушившего с небес на землю чудовищный грохот винтов, а потом явившегося воочию с ревом и бурей, от которой заходило ходуном маленькое ущелье, порскнули по щелям тонконогие крабы, так и не полакомившиеся человечинкой, а организаторы и зрители чудовищного спектакля повскакивали с мест в полном смятении. Только главный герой остался на прежнем месте, потому что связанному и придавленному трехпудовым обрубком дерева особо не попрыгать.

А пятнистое брюхо, заслонив небо, медленно проплыло над самыми макушками деревьев, скользнуло вниз вдоль склона... И рев смолк.

«Сел, – отметило профессиональное сознание летчика Черепанова. – Совсем рядом сел».

Вождь рывкнул, и пара зрителей помоложе отправилась выяснять новости. Еще одному охотнику было велено распутать ноги Черепанова, что и было тут же проделано под громкие протесты шамана.

Крабий банкет отменялся.

Черепанова заставили подняться и, подпихивая палкой,

погнали обратно в деревеньку. Геннадия била дрожь. От холодной ванны или от переживаний – трудно сказать. Колени тоже дрожали, но летчик старался шагать проворно и не спотыкаться, поскольку каждая заминка вознаграждалась тычком в почку.

Вертолет сел метрах в ста от поселка, на чахлое индейское поле. Черепанова провели мимо летательной машины. На краю открытого грузового люка, свесив ноги, сидел чернявый парень в «камуфляже» и пижонских черных очках. На коленях у парня покоился автомат. И не какая-нибудь фитюлька вроде «Узи», а здоровенная дура с подствольным гранатометом.

На появление процессии аборигенов с вождем во главе и связанным белым в арьергарде чернявый не отреагировал.

В поселке царило оживление. Все население, включая собак, толпилось на центральной «площади». Здесь же присутствовал толмач Сэм и человек десять латиносов с автоматическим оружием и зверообразными мордами. Командовал ими азиат изрядного (для азиата) роста с торчащими вперед крупными зубами.

Узрев спотыкающегося Геннадия, азиат открыл пасть и злобно понес на вождя. По-испански.

Вождь завозражал. Тут же вмешался шаман, но вождь его осадил. Черепанова вытолкнули вперед.

– Ты – летчик? – спросил азиат по-английски.

– Летчик, – не стал скрывать Черепанов.

И азиат, и его компания Геннадию не понравились. Но терять-то нечего. Выбирая между откровенно бандитской шоблой и крабами, Геннадий без раздумий предпочел бандитов.

– Забери его, – скомандовал азиат одному из своих.

Вождь запротестовал. Мол, они еще не сговорились насчет цены. Включился толмач. Открыл лопатник, вытащил пачку разноцветных банкнот. Отсчитал дюжины две. Вождь ощерился: мало. Толмач добавил. Но по мнению вождя – недостаточно. Завязалась дискуссия.

И без того асимметричное лицо азиата перекошилось. Он рывкнул на диспутантов. Толмач сразу заткнулся, а вождь – нет. И зря. Потому что азиат перестал кривиться, вытащил пистолет и хладнокровно выстрелил вождю в лоб.

Среди аборигенов вспыхнуло волнение... И угасло под дулами нацеленных автоматов.

У горцев тоже было оружие, но мало у кого – с собой.

– Где твоя одежда? – спросил азиат.

– Там. – Геннадий кивнул в сторону хижины толмача.

Он не испытывал к убитому вождю теплых чувств, но подобное решение споров Черепанову очень не понравилось. Впрочем, свое неодобрение он демонстрировать не стал.

– Возьми его вещи, – велел азиат Сэму по-английски. – И отправляйтесь в вертолет. Живо!

Тесак полоснул по веревкам, и руки Геннадия снова стали свободны.

– Давай, – пихнул его Сэм. – Шевели задницей, летун!
Естественно, имущество Черепанова рассосалось. Все, вплоть до нижнего белья.

– Дерьмо, – констатировал мулат. Он не удивился. Пошарил в своем мешке, выудил шорты, черную майку и пластиковые шлепанцы. – Надевай. Хорош тут шарами трясти.

Черепанов оделся. Шорты оказались длинноваты, а майка налезла с трудом.

– Сойдет, – резюмировал Сэм. – Двинулись.

В селении шла разборка. Кто-то кричал, кто-то плакал. Головорезы в «камуфле» сгоняли народ в одну кучу.

Мимо Черепанова стрелой пронесся индеец. Парень хотел нырнуть в чащу за хижинами, но не успел. Дудукнул автомат, и беднягу швырнуло в траву.

– Шагай, – мулат подтолкнул его в спину, – без тебя разберутся. Или по крабам соскучился?

– Нет уж! – Черепанов подумал, что с этого дня он крабьего мяса в рот не возьмет.

Парень в черных очках скинул им трап. Чрево вертолета было огромно. Мощная двухвинтовая машина. В такой можно весь здешний поселок увезти. Вместе с хижинами.

Поближе к кабине был выгорожен пассажирский отсек. Туда Сэм и отвел Черепанова.

– Сиди и не дергайся, летун, – посоветовал он. – Захочешь отлить – вон лючок. Остальное – не твое дело.

– Остальное – это что? – спросил Черепанов.

– Это то, что тебя не касается! – отрезал мулат. – Я тебе добра желаю, понял? Вы, русские, вечно на жопу приключений ищите. Один из ваших тут в военных советниках числился...

– Да? – обрадовался Черепанов. – И где он теперь?

– Был – и нет, – отрезал мулат и скривился. – Твое дело – не рыпаться и язык за зубами держать. Особенно с Ляном. Лян болтунов не любит.

– Я заметил, – сдержанно произнес Геннадий, а про себя подумал: попадись ему этот Лян без своего пистолета, один на один... Уж они бы поговорили.

Глава тринадцатая

Секретная база

Снаружи бухнул выстрел. И тут же трещотками, взхлеб залаяли автоматы. На полминуты грохот стрельбы заглушил все прочие звуки. Потом пальба смолкла, и стали слышны плач и жалобные крики.

– Сидеть! – скомандовал мулат, хотя Черепанов даже и не пытался подняться.

Снаружи заговорили по-испански. Кто-то повелительно гаркнул. Черепанов поднялся, выглянул в окошко.

– Сидеть! – приказал мулат.

– Да пошел ты в жопу, – пробормотал Геннадий.

К вертолету двигалась цепочка местных: детей, женщин, мужчин. У некоторых руки были связаны. Молодчики Ляна – по обе стороны...

Мулат схватил Черепанова за руку, потянул книзу. Геннадий перехватил его руку, сжал... Физиономия мулата перекосилась.

Когда Геннадий еще не был летчиком, а всего лишь подающим большие надежды спортсменом, в силовую часть их подготовки входили упражнения с брезентом. То есть вдоль стены зала вешался брезент, и будущие чемпионы, хватаясь руками за ткань, лазали по нему, как мухи по стенке. Очень полезное упражнение. Одно из многих полезных упражне-

ний. И с тех пор если уж Геннадий брал кого-то за руку или еще за что-нибудь по-настоящему, то это производило нужное впечатление.

– Не нервничай, – спокойно произнес Черепанов, ослабив хватку. – Я просто посмотрел.

– Я тебе добра желаю, – обиженно проворчал мулат, растирая запястье.

– Спасибо, Сэм. – Черепанов не собирался ссориться с этим парнем. В конце концов, тот его выручил. Кабы не он, Геннадия уже доедали бы крабы.

В соседнем отсеке шла погрузка. Туземцев загоняли наверх. Из-за переборки доносился детский плач, перемежаемый бодрыми командами «погонщиков».

Спустя некоторое время в пассажирский отсек ввалилось полдюжины бандюков-«коммандос». Очень довольных. Старший из них, бычара с крохотными черными усиками и следом ожога на щеке, что-то сказал по-испански. Сэм ответил. Потом покосился на Черепанова и продемонстрировал запястье, на котором остался след от хватки Геннадия.

«Обожженный» кивнул, а остальные «амигос» одобрительно защелкали.

– Говорит, ты такой здоровый, – пояснил Сэм. – Панчо говорит: сразу видно – русский.

Черепанов ухмыльнулся. Он знал, что в маечке смотрится достаточно весомо. В отличие от многих бывших спортсменов, Геннадий тщательно следил за тем, чтобы поддержи-

вать себя в форме. Профессия летуна требовала идеального здоровья. Тем более он уже тогда целил на самый верх, за пределы воздушной стихии. А там требования еще выше...

Вертолет рвануло, дернуло, мотнуло в сторону. В грузовом завизжали. Практически пустая машина пошла вверх так, словно поднималась с предельной загрузкой.

«Любитель», – пренебрежительно подумал Черепанов о пилоте. Вспомнилось, как взлетают настоящие боевые вертолетчики. Резко, низко, под острым углом к горизонту, чтоб затаившийся вражина не вlepил подарочек на взлете...

И тут Геннадия пробила тоска. Остро захотелось неба. Не так, как сейчас: грузом в неуклюжей машине, а чтобы ходил в руках теплый чуткий штурвал, чтобы заворачивалось во-круг пространство...

Молодчики гомонили по-испански, перекрикивая рев двигателей. Оружие они держали между колен, беспечно. Черепанов мог бы легко дотянуться до ближайшего автомата...

И что дальше? Даже если он сумеет положить всех в отсеке?

Летели недолго. Может, с полчаса. Потом вертолет ухнул вниз так, что уши заложило, завис, опять нырнул – и сел. Вернее, плюхнулся.

«Коммандос» полезли в грузовой отсек. Меченый Панчо мимоходом звонко хлопнул Черепанова по плечу, изрек что-то одобрителное.

Минут через пять поднялся и Сэм:

– Пошли!

Это была узкая долина, к удивлению Черепанова, «оборудованная» самой настоящей взлетной полосой. В дальнем конце ее имелся прикрытый камуфляжными сетками ангар. За ангаром, под деревьями, – одноэтажные бараки.

Индейцы из поселка сбились в кучу, жались друг к другу. В основном – молодежь и подростки. Несколько взрослых мужчин со связанными руками и окровавленными физиономиями.

Из кабины вертолета спустился Лян. Вернее, спрыгнул. С четырехметровой высоты. Отлично спрыгнул, мягко. Черепанов оценил. Сам бы он так не смог, хотя прыжковый опыт и навыки имел изрядные. Оценил и отметил: опасный мужик. Очень опасный.

Азиат подошел к кучке аборигенов, что-то сказал своим, и индейцев погнали к баракам. Геннадий профессионально отметил, что с воздуха поселок прикрыт идеально. Да и полоса тоже неплохо замаскирована. Во всю длину ее выложена полоса мелких и крупных камней, между которыми проложили тусклую металлизированную ткань. Но это снизу видно, что тряпка, а сверху наверняка покажется, что ручеек. И на солнышке блестит. Да уж, такое не лох придумал. Но возникает вопрос: зачем?

Лян жестом поманил их к себе:

– Как тебя зовут, русский летчик? Кто ты и как сюда по-

пал?

– Геннадий Черепанов. Летчик-испытатель, – лаконично ответил Геннадий. – Демонстрировал модель на столичной ярмарке. Были неполадки с системой. Катапультировался. Попал к местным... – подумал, не пошутить ли по этому поводу? Нет, не стоит. Физиономия китайца не располагала к шуткам. – Теперь у вас. Это все.

– Какой самолет ты пилотировал?

– «МиГ»-двадцать пятый.

Азиат кивнул:

– Военный летчик?

– Да.

Не было смысла скрывать то, что очевидно.

– Сейчас где служишь?

– Нигде. У нас сокращение штатов. – Черепанов криво усмехнулся.

Вспомнился анекдот советских времен.

На совещании в генштабе:

«Товарищи офицеры. Главный вопрос сегодняшнего совещания – сокращение штатов. Вопросы есть? Предложения? Так, если других предложений нет, начнем с Канзаса...»

Нынче все реализовалось с точностью до наоборот.

Зато вот у боевого офицера самой что ни на есть закрытой категории во время отпуска появилась возможность подкалымить в западном полушарии. Вот и подзаработал... Нет,

правильно их при совке за бугор не пускали.

– Все, что ты сказал, будет проверено, – заявил китаец. – Если врешь, то лучше признайся сейчас.

Черепанов пожал плечами:

– Проверяйте. В том, что я сказал, ничего секретного нет.

– Он будет жить в шестом блоке, – сказал китаец Сэму по-английски. – Покажешь ему, где столовая.

Глава четырнадцатая

Развлечения

латиноамериканских мачо

Пронзительный вопль раздался снаружи. Черепанов опустил ложку...

– Ты кушай, русский, – невозмутимо посоветовал Сэм. – Тебя это не касается.

В столовой, приземистом здании на коротких сваях, кроме них, было еще человек десять. Все – мужчины. И никто не обратил внимания на крик.

Черепанов поглядел в окно, затянутое противомоскитной сеткой: на лужайке перед столовой старый индеец чистил котел.

Кричал явно не он.

Еще один вопль.

– А посмотреть я могу? – спросил Геннадий.

– Можешь, – кивнул мулат. – Посмотреть можешь. Но лучше сначала покушай.

«Ешь, когда дают, и спи, когда есть возможность». Старое солдатское правило.

Это происходило за углом. Расчищенная от джунглей лужайка. Яркое солнце. Яркие цветы. Вопли попугаев в зарослях. В куче отбросов под полом «столовой» рылась пегая

свинья.

А на лужайке развлекались головорезы Ляна.

Туземец, один из тех, кого взяли в поселке, был подвешен к перекладине за ноги. Руки его были свободны, и он изо всех сил пытался защититься от двух усатеньких латиносов, которые тыкали его палками. Туземец снова взвыл, и приятели латиносов разразились одобрительными воплями.

– Такая игра, – пояснил Сэм. – Кто заставит обезьяну подать голос, получает очко.

По животу и груди индейца текла кровь. Один глаз заплыл, щека была разорвана.

Неподалеку, сбившись в кучку, как перепуганные овцы, стояли сородичи подвешенного. Дети, женщины, подростки. Одна девочка плакала, остальные просто смотрели.

– Хочешь сыграть? – спросил Сэм. – У тебя ведь к обезьянам должок?

Черепанов в упор поглядел на мулата.

– Если кто и похож здесь на обезьяну, то это ты, – произнес он по-русски. И добавил уже по-английски: – Нет, не хочу.

– Дело твое.

На полянке появились еще двое. Панчо с приятелем. Деловито направились к пленникам, выдернули из группы девочку лет десяти. Женщину, попытавшуюся им помешать, приятель Панчо ткнул кулаком в лицо. Та упала. Приятеля Панчо это очень развеселило. Панчо что-то громко сказал,

обращаясь к остальным пленникам.

Парочка, мучившая подвешенного, на некоторое время прекратила игру, заинтересовались. Ублюдки.

– Он говорит: если кто после его удара устоит на ногах, может быть свободен, – перевел Сэм. – Он шутник, наш Панчо! – добавил мулат, ухмыльнувшись.

Тут девочка, о которой на время забыли, сорвалась с места и бросилась к Черепанову.

Упала на колени, обхватила ноги Геннадия и быстро-быстро заговорила. В ее черных и блестящих антрацитовых глазах плескался ужас.

Хрупкие смуглые плечи, толстые черные косы с вплетенными яркими перьями, в вырезе платья, между чуть обозначившихся грудей – дурацкая китайская игрушка на красном шнурке. Запах юной, нагретой солнцем кожи... Запах не женщины – ребенка...

– Что она говорит? – спросил Черепанов, хотя и так было ясно, о чем она говорит.

– Прогони ее, – велел Сэм. – Быстро!

А к ним уже двигался Панчо.

Головорез был намного выше Черепанова и так же широк в плечах. Он наклонился, намереваясь отцепить девочку от ног Геннадия.

– Не тронь ее! – четко произнес летчик по-английски.

Панчо медленно выпрямился, поглядел на Черепанова сверху вниз. Осклабился.

– Что, русский, любишь маленьких сучек? – перевел Сэм. – Они пока не про тебя. Ты еще не заработал. А если свербит, можешь трахнуть вот ее! – Меченый махнул в сторону свиньи, рывшейся в отбросах. – Хочешь?

– Или тебя, – холодно произнес Геннадий. – Не вижу разницы между тобой и свиньей.

Не стоило это говорить, но Черепанов ничего не мог с собой поделаться.

Сэм запнулся...

– Что он сказал? – потребовал по-испански Панчо.

– Переведи ему, Сэм!

Мулат перевел. Очевидно, перевод был точен, потому что Панчо тут же перестал ухмыляться.

– Посмотри на это, русский? – В руке латиноса был здоровенный автоматический пистолет. «Ингрэм», кажется. – А теперь туда! – Панчо выбросил руку, грянул выстрел, и подстреленный попугай тяжело плюхнулся на землю. Пуля напроц снесла его голову.

– Хочешь попробовать? – Пистолет уже глядел в переносицу Черепанова.

«Не „ингрэм“, – подумал Геннадий. – „Ингрэм“ одиночными не стреляет. И откидного приклада нет».

– Панчо, нет! – выкрикнул Сэм. – Не спорь с ним, летчик! Он дурной, он выстрелит! – Мулат был по-настоящему испуган. Он нес за Черепанова личную ответственность перед Ляном.

Геннадий на пистолет не смотрел. Он смотрел прямо в глаза меченого.

– Отпусти меня, детка, – сказал он по-русски и погладил юную индианку по гладким волосам.

Девочка поняла. Разжала руки, встала. Ее черная макушка не доставала даже до нагрудного кармана Панчо. Совсем крошка...

Головорез снова ослабился, начал опускать оружие, открыл рот, чтобы что-то сказать...

Черепанов выбросил вперед руку...

Панчо тут же нажал на спуск. Пистолет был направлен в живот Геннадия, но выстрела не произошло, потому что по ту сторону спускового крючка, между ним и скобой оказался палец Геннадия.

В следующее мгновение рука Панчо хрустнула в запястье, а сам он с воплем грохнулся на траву. А его пистолет остался у Геннадия.

Но и на летчика уже было направлено не меньше дюжины стволов. У головорезов Ляна тоже была отменная реакция и солидный опыт.

– Не стрелять! – Из-за угла столовой появился китаец. – Не стрелять! – повторил он по-испански и еще раз по-английски, для Черепанова.

– Что здесь произошло?

Панчо, баюкая сломанную кисть, заговорил яростно. Лян прервал его на половине фразы.

– Сэм?

Мулат зачастил по-испански. Пока он говорил, азиат пристально разглядывал Черепанова. Пистолет в руке Геннадия он игнорировал.

«Коммандос» загалдели, но азиат сказал что-то, даже особенно не повышая голоса. И стало тихо.

– Умеешь драться? – спросил китаец Черепанова. – Хочу проверить, чего ты стоишь, русский. Положи пистолет и покажи мне, на что способен.

– Зачем?

– Затем, что мне этого хочется. А тебе разве – нет?

«Он крут, – подумал Черепанов, вспомнив, как лихо китаец сиганул с четырехметровой высоты. – И наверняка владеет всякими кун-фу, у-шу. Но ведь и мы не лыком шиты. И весу во мне килограммов на пять больше... И терять мне нечего опять-таки, а вот я ему, похоже, нужен». Черт возьми! Разве не было у него самого желания накостылять самоуверенному азиату?

Черепанов поставил пистолет (австрийский, надо же!) на предохранитель и бросил на траву.

– Давай, – сказал он. – Попробуем...

Головорезы тут же подались в стороны. Загалдели, но уже скорее одобрительно, чем осуждающе.

«Мужики везде одинаковы, – подумал Черепанов. – Хлебом не корми, дай на хорошую драку поглазеть. Даже если понимают, что не в игрушки играем».

Он скинул шлепанцы – босиком надежнее, потер ладони, шеей подвигал, подышал...

Китаец ждал. Предоставлял гостю право первого броска. Ну что ж...

В быстроте с Геннадием мало кто мог конкурировать. Азиат только и успел, что чуток назад податься, а уже оказался в захвате. И сразу – бросок. Жалобно затрещала рубашка китайца, скрученная черепановскими пальцами. Почва ушла из-под ног китайца. Правда, он ухитрился вцепиться обеими руками за каменное предплечье Черепанова, а тот уже послал противника резко и мощно – вверх и назад...

И тут что-то произошло. Бросок был уже сделан, Лян был уже в воздухе, но пальцы Геннадия, подхватившие китайца под ремень, почему-то сами по себе разжались. И упал азиат совсем не так, как должен был упасть – плотно припечатанный о землю, а боком. При этом вывернулся и ухитрился чуть ли не на ноги сразу встать. Но его рубашка была все еще в захвате, и Геннадий рванул его на себя, собираясь перехватить второй рукой... Но второй, левой руки у него не было. То есть она была, но почему-то висела плетью и отказывалась повиноваться. А китаец легко, необычайно легко подался навстречу...

На этот раз Черепанов успел понять, что произошло. Вернее, почувствовать, как мягкая, почти нежная рука Ляна скользнула по его руке, от запястья вверх, а потом пальцы китайца как-то проникли между черепановских мышц, уже

у локтевого сгиба, и правая рука Геннадия отнялась так же, как и левая. Миг спустя дикая боль, словно удар тока, проскочила между онемевшими руками Черепанова. У Геннадия как будто сердце остановилось. Наверное, он закричал. Если этот вибрирующий вой можно назвать криком. В следующий момент китаец резко хлопнул ладонью точно в центр груди. И Черепанов отключился.

Отключился и не слышал, как восторженно заревели «командос». И не увидел, как Лян поднял руку, призывая к молчанию. Кивнул на лежащего Черепанова:

– Летчика отнесите в блок. Аккуратно. – Затем азиат указал на Панчо. – Ему – десять плетей и в лазарет.

Подручные зароптали было, но холодный, равнодушный, как у ящерицы, взгляд раскосых глаз прошелся по лицам – и ропот увял.

– Этого, – кивок на подвешенного, – кончайте. Остальных – к делу. Мне нужны рабочие руки, а не харч для кондоров. Можете взять пяток баб – на всех. А эту, – жест в сторону девочки, которая опрометчиво понадеялась на защиту Геннадия, – эту – мне. Выполнять!

Китаец повернулся и неторопливо двинулся прочь. А его подчиненные, не мешкая, принялись выполнять приказ. Точно и быстро.

Правда, те, кто тащил Геннадия, не удержались и уже внутри попинали бесчувственное тело. Но аккуратно попинали. Без членовредительства. Они знали своего командира.

Только очень хорошие деньги могли удержать этих людей рядом с таким чудовищем. С другой стороны, деньги действительно были очень хорошие, а чудовище крайне редко убивало своих ради развлечения.

Глава пятнадцатая

Китайское предложение и последствия «утонченных» развлечений настоящих китайских мужчин

– Это хороший самолет, – сказал Лян. – Маленький, но быстрый. Слетаешь в Мексику и обратно.

– А потом? – спросил Геннадий.

– А потом получишь деньги. Десять тысяч долларов.

– Неслабо. – Черепанов сделал вид, будто сумма его заинтересовала. На самом деле он ни минуты не сомневался, что никаких денег не будет. Его используют, а потом убьют. – А что мы повезем?

Китаец сделал вид, словно не услышал вопроса.

– За каждый рейс будешь получать десять тысяч. Наличными или на кредитку. Как предпочитаешь?

– Наличными.

– Хорошо.

– Маршрут?

– Узнаешь перед вылетом.

– Трудности?

– Какие трудности?

– Если за два вылета платят десять тысяч баксов, значит, должны быть трудности.

– Единственная трудность, русский, в том, что это должен быть беспосадочный рейс. Даже если кто-то захочет, чтобы ты сел. Но я знаю, что ты хороший летчик. Я узнавал о тебе. Ты справишься.

– Справлюсь. Если нас не собьют и хватит горючего.

– Так и будет.

– Мне бы хотелось попробовать машину.

– Попробуешь в полете. Мои мальчики тебя больше не обижают?

– Меня трудно обидеть.

– Трудно, но можно. Ты здесь чужой. Никто.

– Но тебе я нужен, верно?

– Да, русский. Мне ты нужен. Мой пилот совсем никудашний. В этой стране очень трудно найти хороших пилотов. В этом тебе повезло. И в том, что я послал Сэма договориться насчет рабочих именно в это селение.

– Может, мне и повезло, но не этим индейцам.

– Думаешь, я жестокий человек? – спросил китаец.

– А разве нет?

– Ты ошибаешься. Я не жестокий, я мудрый. Мудрый не жесток и не добр. Я управляю. Жизнь или смерть не имеет значения. Здесь, в горах, живут очень жестокие люди, русский. Они не позволили бы мне делать мое дело, если бы не ощущали, что я – их господин. Вот моим мальчикам нравится быть жестокими. Я специально подбирал таких. Потому что в них живет страх. А я управляю их страхом. Вот в тебе

страха нет. Ты очень храбрый человек, русский. Вы, русские, все такие: храбрые и глупые. Вас тоже хорошо использовать.

Черепанов промолчал.

Эта косоглазая сволочь была права. Его использовали. Как повод, чтобы расправиться с индейцами. Как вещь – чтобы показать «бойз», насколько крут их хозяин.

Черепанов подозревал, что Лян умело спровоцировал его, еще когда они садились в вертолет. Заронил в Черепанове желание проверить, кто из них сильнее. Но приемчики у него что надо. Геннадий охотно поучился бы таким.

– Хочешь что-то спросить?

– Хочу, – сказал Черепанов. – Покажи, как ты это делаешь?

Китаец понял, о чем идет речь, качнул круглой головой.

– Нельзя, русский. Это тайна моей семьи. Если я открою ее – умру. И ты тоже умрешь.

Похоже, он не шутил.

– Жаль.

– Хочешь выпить?

– Нет, спасибо. Когда вылет?

– Торопишься? Это хорошо. Вылет – завтра.

Черепанов удивился. Но кивнул. Завтра, так завтра.

– Иди, – сказал Лян. – Отдыхай. Собирай вещи.

Шутка.

Этот чертов китаец начинал нравиться Геннадию.

Черепанову всегда нравились сильные противники. Даже

если не удавалось их победить, все равно. Даже после проигрыша оставалось замечательное ощущение достойного поединка.

Черепанов вышел из «командирского» блока. Постоял, наблюдая, как мечутся среди ветвей длиннохвостые обезьянки.

Упругий ветерок был вкусен, как бывает только в горах. Черепанов вдохнул полной грудью. И тут ветер переменился... И принес запах тлена. Вернее даже не тлена, а смерти. Крови и нечистот. Совсем слабый запах, но у Черепанова острое обоняние.

Она лежала на земле, у опорной сваи, накрытая куском грязного брезента. Узнать ее было невозможно. Не потому, что лицо ее было изуродовано, нет. Просто это было уже не ее лицо. Не хотелось даже думать о том, какой смертью она должна была умереть, чтобы лицо стало таким.

И тем не менее Геннадий ее узнал. По кукле, длинноносому китайскому уродцу-«буратино» на тонком красном шнурке.

Черепанов не помнил, сколько он так простоял, – глядя на мертвую индейскую девочку. Может, полминуты, может, четверть часа. Его безукоризненное ощущение времени внезапно отключилось. Особое состояние мгновенного постижения сути мира. И осознание своего места в нем. Осознание того, почему он, Геннадий Черепанов, находится здесь. Почему и зачем.

Понимание пришло и ушло, оставив внутри ощущение предназначения, силы, которую невозможно ни отбросить, ни одолеть. Геннадий наклонился, разорвал тонкий красный шнурок, сунул игрушку в карман и снова накрыл тело брезентом.

...И услышал доносящийся из окна голос Ляна.

Голоса его собеседника не было слышно. Очевидно, китаец разговаривал по спутниковому телефону.

– Да, – говорил он. – Да. Вам не следует беспокоиться. Мне пришлось избавиться от того пилота... Да, у меня есть другой. Доставит продукт вам. Но обратный рейс должен сделать уже ваш пилот... Избавьтесь от него. Нет, он хороший пилот, но его невозможно контролировать... Да... Да... Завтра ближе к вечеру. Конец связи.

Черепанов мрачно улыбнулся и двинулся прочь от «командирского» блока.

Ночью Черепанов долго лежал без сна. Не потому, что снаружи орала и вопила всякая фауна. И не потому, что – бессонница. Уж чего-чего, а бессонницы у Черепанова сроду не было. Просто не хотелось спать. И было о чем подумать. Все-таки не каждый день ощущаешь прикосновение высших сил. В сравнении с этим все остальное: катастрофа, индейцы, угроза смерти – казалось чем-то вроде декораций в театре. Декорации ведь не определяют спектакля. Это спектакль определяет декорации. Но было и нечто, не подлежащее замене. Например, лицо мертвой индейской девочки. И непе-

редаваемое чувство предназначения. Казалось бы, если ты знаешь, что должен сделать, это лишает тебя свободы. Но на самом деле именно в этом была истинная свобода. Геннадий мог все. Например, он мог сейчас встать и уйти в сельву. И никто не смог бы ему помешать. Но Черепанов не уходил. Зачем? Мир и так принадлежал ему. Нечто подобное Геннадий не раз испытывал в небе. Когда внизу, под упругими крыльями его машины со скоростью двух тысяч километров в час прокручивалась поверхность земного шарика. Но то было в небе, где истинная мощь определялась не мускулатурой летчика, а огненными смерчами турбореактивных двигателей и смертоносными сигарами ракет на консолях крыльев. То было в небе. На земле же Черепанов раньше никогда не испытывал ничего подобного. Это было здорово. Потрясающе. Утром...

Глава шестнадцатая

Еще одна авиакатастрофа

Утром Геннадий вновь проснулся обычным человеком. Пережитое вчера казалось чем-то вроде сна. Не более.

Черепанов встал, умылся, сходил в столовую. Коренные обитатели лагеря не замечали его. Похоже, самоуверенный Лян даже не приставил сторожа. И Сэм куда-то подевался. И индейцев куда-то увели. В лагере осталось человек тридцать «коммандос» и всякая обслуга.

Черепанов не стал разгуливать по лагерю. Вернулся в отведенную ему комнату, достал из кармана «буратино», сжал в кулаке... И ощущение внутренней силы вернулось. Само-внушение?

Геннадию не предоставили времени, чтобы обдумать это. За ним пришли.

Панчо и его приятель. Кисть Панчо была упакована в куколь из бинтов. Кобура переключевала с правого бедра на левое.

Они принесли Черепанову комбинезон и ботинки. Это правильно. Шлепанцы – не самая лучшая обувь для пилотирования.

– Поднимайся, летчик. Одевайся. Пойдем.

Самолетик оказался французской работы. Но ничего особенно сложного. Стандартный комплект приборов, стан-

дартная система управления. Зато под крыльями были установлены дополнительные баки с горючим.

К полету его уже подготовили. В салоне между креслами стояло несколько ящиков без маркировки. Очевидно, весь груз. Наркотики?

Передать Черепанову самолет поручили вертолетчику. Его английского хватило, чтобы отвечать на простейшие вопросы. Впрочем, у Геннадия сложилось ощущение, что он имеет дело не с профессиональным пилотом, а с любителем-самоучкой. Но самолет был подготовлен нормально, и вроде бы все работало. Вертолетчик передал Черепанову комплект карт. Геннадий убедился, что маршрут проложен грамотно. Лететь предстояло действительно в Мексику. По большей части – над океаном. Вне государственных воздушных пространств. Общая протяженность маршрута составляла около тысячи километров. Вполне реально для этой модели даже без дополнительного запаса горючего. Черепанов еще не знал точно, как построит полет, но уже знал, что до Мексики не долетит. Какой смысл лететь туда, где от тебя собираются избавиться?

Напоследок он спросил пилота, показывая на ящики:

– Драге? Наркотики?

Тот мотнул головой.

– А что?

– Не твое дело.

Пришел Лян.

– Как настроение, русский? Нормально? Молодец! Слетаешь туда и назад, получишь десять кусков. И я, может быть, покажу тебе кое-что... Из семейных приемов. Хочешь?

Геннадий изобразил живейший интерес.

Лян уже вычеркнул Черепанова из списка живых.

«Ну-ну, помечтай», – подумал Геннадий.

С полосы убрали камни. Осталась только коротко остриженная травка. Все-таки винтовые самолеты имеют свои преимущества. Для реактивного зверя полосу пришлось бы удлинить вдвое и вдобавок вылизать дочиста. Мусор, втянутый в воздухозаборники, – это смерть. Помимо Черепанова в самолет загрузились четверо «коммандос» во главе с Панчо. Этот уселся в кресло второго пилота, остальные разместились в салоне.

Геннадий запустил двигатели, проверился – нормально. Вырулил на взлетную, прибавил обороты. Самолетик, подпрыгивая, поскакал по полосе. Чертовы латиносы не выровняли ее как следует. Поворот, закрылки, форсаж, штурвал на себя – машина послушно оторвалась от земли и ушла вверх. После сверхскоростных истребителей – как с мотоцикла на велосипед пересесть. Но небо есть небо. И слушался французский самолетик идеально. Черепанов заложил вираж. Потом еще один. Он хотел как следует запомнить местность.

Внизу фигурки в пятнистых куртках опять выкладывали муляж ручья.

Геннадий нырнул вниз и прошел низко-низко, над самы-

ми верхушками, отметив, что при правильном заходе и сборные домики на сваях, и тяжелый вертолет под маскировочными сетками вполне можно засечь. Если заранее знать, где искать.

Панчо сердито рывкнул и махнул в сторону солнца. Давай, мол, на маршрут. Черепанов кивнул и послал машину на восток, к океану.

Реально лететь до берега было минут двадцать-двадцать пять, но Черепанов не торопился. И старался держаться пониже. У него уже сложился примерный план действий, основанный на том, что никто не станет стрелять в пилота, пока самолет не окажется на земле. И еще – на безопасности остальных «коммандос», даже не потрудившихся пристегнуться.

Полет в горах на небольшой высоте имел то преимущество, что из-за постоянной смены направлений непрофессионалу было крайне трудно отследить, насколько точно самолет придерживается маршрута. Даже Панчо, поначалу старательно тарасившемся на мелькающие склоны, через полчаса это дело обрыдло. Задремал орелик. А самолет тем временем продолжал лететь. В общем – в сторону Атлантического океана. Но при этом постепенно забирая все дальше и дальше к югу. Все дальше от предписанной маршрутом Мексики и все ближе к тому месту, откуда несколько дней назад рванулся в воздух сверхскоростной истребитель-перехватчик «МиГ-25».

Когда впереди показался океан, Черепанов отыграл почти четыреста километров. Так что теперь он мог спокойно развернуться и взять курс на север.

Надзиратель Панчо проснулся и заворчал, требуя, чтобы Черепанов взял дальше к морю. Черепанов проигнорировал.

Внизу слева показалась полоска магистрали, пляж – и высотные коробки большого города.

Панчо вытаращил глаза и некоторое время старался осмыслить происходящее. А Черепанов по плавной дуге начал разворачивать самолет влево. Его идея была проста, как грабли. Пока он за штурвалом, никто ему ничего не сделает. А когда он посадит самолет на аэродроме, с которого взлетел четыре дня назад, посмотрим, посмеют ли они его прикончить. И смогут ли... У Геннадия был припасен для головорезов Ляна очень неприятный сюрприз.

Панчо наконец сообразил: происходит нечто незапланированное. И возмущенно заорал. Черепанов проигнорировал. Панчо схватился за телефон. Очевидно, его начальство высказалось достаточно недвусмысленно – Панчо заорал еще громче, и остальные головорезы тоже завопили. Но воплями не ограничились, а повскакивали с кресел и бросились к Черепанову. Это было самое глупое, что они могли сделать. Потому что в следующий миг Геннадий рванул штурвал на себя, и послушное изделие французских авиастроителей вошло в мертвую петлю.

Панчо заревел, как ошпаренный осел, швырнул в Черепана-

нова телефоном и (полный придурок!) вцепился во второй штурвал. Едва не угробил всю компанию. Самолет, оказавшийся под углом девяносто градусов к поверхности океана, «сошел» с дуги, «клюнул» вперед в попытке исполнить фигуру высшего пилотажа, называемую «коброй». Черепанов оную фигуру выполнять умел, поскольку она очень эффективна, когда требуется, скажем, «сбросить с хвоста» прилипшие ракеты противника. Да, Геннадий умел выполнять «кобру», но, исключительно на «СУ-27» или «СУ-35». А вот маленький гражданский самолетик...

Они ухнули в штопор. В салоне раздавались вопли и грохот. Что-то трещало и ломалось. Мир вокруг вертелся и опрокидывался. Ошизевший Панчо, в первые же секунды выпустивший штурвал, изверг содержимое желудка на прозрачный пластик фонаря и больше участвовать в управлении машиной не пытался.

Черепанов же изо всех сил старался выровнять самолет. И в конце концов ему это удалось – на высоте каких-нибудь трехсот-четырехсот метров. Все-таки Геннадий был летчиком экстра-класса. Он справился. И даже позволил себе оглянуться. В салоне царил полный разгром. Трое «коммандос» были качественно обездвижены. Причем один – навсегда: разmozженный череп с понятием «жизнь» несовместим. Что касается других, то с беглого взгляда определить, живы ли они, было затруднительно. Зато причина треска и грохота выяснилась с первого взгляда. Таинственные ящики. Эти

уроды не потрудились закрепить их как следует, и во время падения ящики тоже находились в состоянии свободного полета. Внутри салона.

Пахло в кабине премерзко. Дерьмом и блевотиной. Ладно, разберемся. Самолет по-прежнему слушался, и Черепанов, снизив скорость, развернул его в сторону берега. Интересно, как выглядели с земли их кульбиты? Ничего, скоро он это узнает. Когда приземлится.

Брошенный Панчо телефон запищал где-то под ногами. Черепанов исхитрился наклониться и подобрать его. Конечно, он не знал испанского, зато голос узнал без труда.

– Хай! – сказал он. – Хау ду ю ду, чайна бастард? – У Геннадия было как раз подходящее настроение, чтобы поговорить.

Но человек, как говорится, предполагает, а располагает, как известно, уже Судьба.

Очнулся Панчо. Очнулся, поглядел тупо: сначала на приближающийся берег. Потом развернулся и обозрел то, что творилось в салоне. Затем – на Черепанова.

В ошарашенном мозгу громилы-латиноса замкнуло.

Он страшно оскалился и зашарил здоровой рукой, отыскивая кобуру. И таки нашел ее. И достал пистолет и выпалил в пилота. В Геннадия то есть. Промахнулся. Выпалил еще раз. Попал. Куда-то. Штурвал сразу потяжелел, самолет рыскнул. Черепанов выматерился и толкнул штурвал вперед. Самолет нырнул вертикально вниз, ополоумевший стрелок

уронил пистолет и повис на ремнях...

В следующий момент увесистый ящик пронесся в полуметре от Черепанова, задел металлическим углом шею Панчо, вспоров ее не хуже топора, обрушился другим углом на пластик фонаря, проломил его и отправился в морскую пучину.

Поток встречного воздуха яростно ударил в лицо Геннадия. Черепанов, щуря слезящиеся глаза, тянул штурвал на себя. Самолет повиновался очень неохотно. Обороты двигателя упали до минимума, а через полминуты он и вовсе заглох. Голубая скатерть океана стремительно приближалась. До берега было не близко: километра три-четыре, но это как раз было хорошо, потому что сажать самолет на песчаный пляж – самоубийство.

Геннадий кое-как выровнял машину, постарался предельно снизить скорость, выпустил закрылки... Черт, может быть, даже удастся удержать самолетик на плаву.

Не удалось. Хвостовая часть чиркнула по поверхности, и пластиковое брюхо самолета с силой ударилось о воду. Черепанова мотнуло так, что затрещали ребра. В глазах потемнело. На миг он лишился сознания, но в следующий момент через пролом фонаря хлынула вода и привела Геннадия в чувство. К счастью, хвостовая часть оказалась тяжелее, и нос самолета задрался. Но качественно сработанная машина еще несколько секунд изображала из себя поплавок, раскачиваясь на длинных океанских волнах. Этого хватило, чтобы Ген-

надий отстегнулся от кресла и выкарабкался наружу.

Минутой позже, избавившись от ботинок, он взял курс к берегу. Проплыть километр с небольшим – пустяки. Если, конечно, пловцом не заинтересуется какая-нибудь акула.

Глава семнадцатая, в которой летчик-испытатель Геннадий Черепанов возвращает долги и выполняет обещания

Акулы им не заинтересовались. Примерно через час слегка потрепанный, но не побежденный, он выбрался на пляж. От летного комбинезона Геннадий избавился еще в воде и теперь мало отличался от прочей отдыхающей публики. Разве что отменным телосложением и относительно слабым загаром. Впрочем, он сумел сохранить две вещи. Одну – из суеверия, вторую – на всякий случай.

Не мудрствуя, Черепанов направился к первому же полицейскому и объяснил с помощью жестов и условного английского, что он есть русский летчик с ярмарки, который пошел купаться, а вернувшись, не обнаружил ни одежды, ни бумажника.

Геннадию показалось, что эта версия выглядит правдоподобнее настоящей истории.

Полицейский отнесся с пониманием и сопроводил облаченного в мокрые трусы Черепанова в «участок». Там занимались делом: со всем южным темпераментом обсуждали недавнее падение самолета. Узнав, что Геннадий – летчик, местный остряк тут же поинтересовался: не с того ли само-

лета?

Черепанов изобразил непонимание. И попросил связать его с руководителем русского представительства.

Его желание было выполнено. Почему бы и нет? Вместо руководителя трубку взял один из менеджеров.

– Это я, – сказал Геннадий. – Да, Черепанов. На пляже. Вышлите машину. Черт, откуда я знаю, куда? Выясни у местных. – Он сунул трубку одному из полицейских.

Спустя час за ним прислали машину. За этот час его трижды угостили кофе и поднесли стаканчик текилы. Очень интересовались его профессиональным мнением по поводу рухнувшего самолета. Геннадий отговорился тем, что катастрофы не видел. Нырлял. Зато сам выяснил, что никаких значительных следов на месте падения обнаружить не удалось. Так, мелкий мусор.

– Я все-таки не понимаю, как ты оказался на пляже. – Руководитель русского представительства господин Иванов Михал Михалыч протер платком загорелую лысину.

– Я же говорю: выбрался к побережью, а там рыбаки, – терпеливо пояснил Геннадий. – А до побережья меня подбросили на вертолете. Какие-то местные.

– Какой-то бред!

– Ко мне есть какие-нибудь претензии?

– Да нет, я же сказал: мы нашли обломки и извлекли «черный ящик». Какие к тебе могут быть претензии? Что ты живой, что ли? Как ты себя чувствуешь, кстати?

– Нормально, – Черепанов сдержанно улыбнулся, – отдохнувшим.

– Бред! – Господин Иванов выкинул бумажный платок и достал новый. Сухой. – Триста километров по горам. Отдых, мать твою!

– Меня подбросили, – напомнил Черепанов. – На вертолете. Но сначала я упал в реку и потерял все свои вещи. Поэтому...

– Да хрен с ними, с вещами! Живой и ладно. Летать можешь?

Геннадий улыбнулся. Чутьочку шире:

– Всегда!

– Отлично. Нам как раз нужен летчик твоего профиля. Боливия хочет «МиГ-29» купить. Наземного базирования. Желают поглядеть, каков он в деле. Надо отработать по наземным и по воздушным. Отдельно. Готов?

– Почему нет? – спокойно произнес Геннадий, но внутри у него все перевернулось. – Какая задача?

– Собьешь пару воздушных целей, потом раздолбаешь старую баржу. Ничего особенного.

– Баржу? – Черепанов изобразил сомнение. – Не слишком эффективно.

– А что ты предлагаешь?

– Я бы по наземным целям отработал. По площадям. На реальной местности. Куда эффективнее выйдет.

– Угу. И кого же ты бомбить собираешься? – саркастиче-

ски поинтересовался господин Иванов, человек сугубо штатский, зато с серьезными политическими связями.

– Там, где я недавно... гулял, полно совершенно пустых ущелий, – сказал Черепанов. – Никого, кроме попугаев. Парочку я точно запомнил. С воздуха узнаю легко. Договоритесь?

– Хм-м... Можно попробовать. Говоришь, эффективнее выйдет?

– Еще как! Море огня!

– Ладно, попробую договориться. Молодец, майор! Иди, отдыхай.

Иванов договорился. Легко. Как он потом сказал Черепанову, местный чиновник из департамента территорий, не моргнув, принял «барашка» и выдал разрешение. На осторожный вопрос, не окажется ли на данных территориях местных жителей, махнул рукой и сказал, что если русские угробят десяток-другой дикарей, так страна от этого только выиграет. От этих горцев одно беспокойство.

Ярмарка закончилась. Катастрофа, постигшая самолет Черепанова, неожиданным образом сыграла в плюс. Поскольку повсеместно было заявлено, что имела место диверсия, но несмотря на печальные обстоятельства, пилот остался в живых. Вот, значит, какие у нас надежные машины. Заинтересованная публика приходила посмотреть на живучего пилота. А какой-то недоброжелатель заменил пластиковый коврик в ванной номера Черепанова на металлизированный,

заземленный через водопроводную трубу. И дабы ни у кого не оставалось сомнений насчет цели этого акта, к ванне посредством провода с «крокодильчиком» было подведено напряжение. Электрик-энтузиаст даже позаботился, чтобы русский пилот не мучился. Напряжение было подано не прямо из сети (127 вольт), а через трансформатор (2000 вольт). К сожалению, русский пилот оказался излишне наблюдателен и вдобавок знал, как выглядит специальная токопроводящая ткань.

Случай не стал достоянием гласности, зато служба безопасности господина Иванова взяла Геннадия под особую опеку. Ненадолго, потому что отлет группы намечался через два дня – сразу после того как Черепанов продемонстрирует возможности русской военной техники.

На этот раз все проверили качественно. И Черепанов мог быть стопроцентно уверен: со стороны машины проблем не будет. Какие проблемы, господа? Немного пострелять, слетать отбомбиться, записать все на видео – и домой.

Разнести пару радиоуправляемых «этажерок» – сущие пустяки. «РП-29»¹⁸, способный осуществлять поиск и сопровождение на проходе до десяти воздушных целей в любых метеоусловиях, в свободном пространстве или на фоне земли, с дальностью захвата порядка 70 км, был предназначен для серьезных противников, а не для престарелых распылителей гербицидов.

¹⁸ РП-29 – радиолокатор, разработанный специально для этой модели.

Черепанов обозначил курс и позволил автоматике поиграть в пилотирование. Сам же достал небольшой черный предмет, запаянный в гибкий пластик, и нажал на кнопку.

Три дня назад он имел возможность убедиться, что живучесть японской техники ничуть не уступает живучести русских пилотов и намного превосходит живучесть южноамериканских «коммандос». Хозяин спутникового телефона Панчо уже несколько дней грелся в аду, а его «труба» превосходно функционировала. И отлично помнила последний набранный номер.

– Привет, китайский ублюдок! Узнаешь меня?

– Да, русский. Я тебя узнал. Зря ты смеешься, русский. Ты – мертвец. Ты от меня не спрячешься. Я найду тебя везде. И в твоей России. Я найду...

– Искать меня? – перебил Геннадий. – Не надо меня искать, дерьмо обезьянье! Я уже иду к тебе!

– Ты? – По тону чувствовалось: удивил Черепанов Ляна. Не на шутку удивил. – Идешь ко мне!

– Угу! Жди, ублюдок! Я скоро буду у тебя!

– Да ну? – не поверил глазастый. И зря. – Неужели? И когда тебя ждать, русский?

– Да прямо сейчас! – Черепанов сунул трубку в зажим, включил видеокамеры и взял управление на себя.

– Слишком низкий заход на посадку! – строгим женским голосом сообщила Черепанову речевая система оповещения.

– Отстань! – бросил Черепанов. – Я здесь уже сядился.

Хватит.

Серебристая птица вынырнула из-за гребня, опередив даже рев собственных турбин. Две маленькие сигарки соскользнули с консолей и нырнули вниз. Секундой позже к земле устремились контейнеры.

Серебристая птица задрала изогнутый клюв и свечой ушла в небо. Чуть раньше, чем яростное пламя до краев наполнило полукилометровую горную впадину с качественной имитацией ручья посередине.

– Впечатляет, – сказал боливийский полковник, после того как видеомэгафон прокрутил последние кадры. – И какова вероятность, что после такой обработки кто-то останется в живых? – Он посмотрел на Иванова, а тот, в свою очередь, – на Черепанова.

– Вероятность такая существует, – кивнул Геннадий. – Если на данных площадях имеются серьезные оборонительные сооружения.

– А если нет?

Черепанов улыбнулся.

– Пепел – хорошее удобрение, – сказал он. – Но трава на этом месте еще долго не вырастет.

– Понимаю, – произнес полковник. – Пожалуй, я убедился, что ваш самолет подходит для наших целей. Мы его покупаем.

На следующее утро Геннадий опять был в небе. Но уже в качестве пассажира. В одном кармане его легкой куртки ле-

жала новая кредитка с солидной суммой (оплата плюс премиальные), в другой – дешевая китайская игрушка с длинным облупившимся носом. Спроси сейчас Черепанова: какой из двух предметов для него важнее, он затруднился бы ответить.

Да, и еще одно. Вернувшись в Москву, Черепанов позволил одному из своих старых приятелей-вольников, серьезно занимавшемуся восточными техниками, и напросился в гости.

– Хм-м, – пробормотал тот, когда Геннадий описал ему фокусы покойника Ляна. – Похоже на циньна...

– Это еще что за хрень?

– Одна из техник у-шу. Относительно свежая, и сотни лет не наберется. Циньна-гэдоу. Эффективная вещь. Захваты, броски, болевые. Точечная техника, техника разделения мышц, перекрытия вен и дыхания. Работа с оружием и без оружия.

В Китае по этой технике спецназ готовят и эфэсбэ ихнее.

– Что серьезная, это я уже понял. Слушай, я бы этой штуке поучился.

– Да ну? – Приятель усмехнулся. – Я бы тоже. Только вот у кого? Мастеров такого уровня, какой ты описывал, в Москве точно нет. Да и в Союзе тоже. Тьфу! В ЭсЭнГэ. Я бы знал. Слушай, а твой этот... Не согласится?

Черепанов покачал головой:

– Он не сможет.

Это уж точно. Это только в сказках покойники консультируют живых по вопросам единоборства.

– Жалко. Слушай, а зачем тебе это надо? Ты же из спорта еще в восьмидесятом ушел. Или нет?

– Ушел, – согласился Черепанов. – Я не для спорта. Для себя.

– М-м-м... – Приятель подумал немного, потом предложил: – Слушай, есть у меня один мужик. Вполне конкретный. Хапкидо тренирует. Хапкидо, конечно, свои дефекты имеет... – Приятель почесал могучий загривок.

– Например?

– Специфическая вещь. Не так, конечно, как таэквондо, но все-таки...

– Да говори ты толком! – не выдержал Черепанов.

– Понимаешь, это же не современные техники. Там половина приемов на работу против всадника поставлена. Вот и прикинь: на кой хрен нам с тобой работа против всадника? Ментов конных на парадах из седел вышибать? – Приятель засмеялся. – А вообще-то какая тебе разница, если для себя?

А мужик этот реально у желтых обучался. И помимо хапкидо, еще всякого-разного в свой курс напихал. Короче, исключительно прикладная техника. – Приятель подмигнул. – Раз приложишь – и крездец. По-нашему, в общем. У тебя как с деньгами? Двести баксов в месяц найдется?

– Если дело того стоит...

– Двести баксов – это если скажешь, что от меня. А так

– пять сотен. Сходишь, посмотришь – сам и решишь: стоит или нет. Пиши адресок...

Черепанов так и сделал. И решил: стоит. И правильно решил. Это часто так бывает: кажется что-то – не нужно. А оказывается – очень кстати. Как, например, приемы, ориентированные против всадника, в нынешней черепановской ситуации могут оказаться необычайно полезны.

Глава восемнадцатая, в которой рассказывается о военной карьере командующего римской придунайской армией легата Максимиана по прозвищу Фракиец

– Мальчишкой он пастухом был, – рассказывал Плавт. – А потом в конную стражу пошел. Это у них во Фракии вроде как вместо вигилов¹⁹. Думаю, годков через десять его бы и эдилом²⁰ избрали. Он уже тогда здоровенный малый был. И храбрый. Разбойников в тех краях сразу поубавилось, потому что хоть и молод он был, мой легат, да уже тогда хитер и на ловушки всякие и засады – большой мастак. К тому же с преступниками не церемонился: сразу – на крест. Или еще какую казнь придумает, пострашнее. Ему за это многие пеняли: дескать, не должен мальчишка, хоть бы и огромного роста и силы, сам правосудие вершить. Пеняли, но помешать не смели. Понимали: если отметили боги человека геркуле-совой силой и красотой, да еще умом пожаловали, значит, не простой это человек. После, когда он возвысился, даже слух

¹⁹ Вигилы – римский вариант полиции.

²⁰ Эдил – выборная должность, вроде полицмейстера. Эдилов было два. Они следили за порядком, за общественными зданиями, правильностью мер и весов.

пошел, что не человек его отцом был, а сам Марс или даже Юпитер. Сам-то он против этих слухов не возражал, да только вранье это. Я, Геннадий, его отца видел. Тоже великан, каких поискать. Но что отметили его боги – это точно. Потому что устроилось так, что прибыл тогда во Фракию сам Август, император Септимий Север. И вышло так, что устроил он в честь дня рождения сына своего Геты военные игры. И на играх тех Максимин отличился. Пробился к самому императору и потребовал, чтобы дали ему разрешение состязаться с настоящими воинами. Септимий, восхищенный его дерзостью, ростом и красотой, разрешение дал. Хотя и видел, что варвар перед ним. Максимин тогда и по-латыни с трудом говорил, больше – на фракийском наречии.

Правда, не с лучшими воинами разрешил ему бороться император, а с обслугой лагерной, обозниками. Но из тех Август лично выбрал самых сильных. А когда Максимин побил шестнадцать противников без передышки и получил шестнадцать наград, приказал император записать его в лучший из своих легионов. Вот так вот. В кавалерию.

И так случилось, что на третий день после этого император выехал в поле, на учения поглядеть, и увидел, как Максимин по-варварски вперед из рядов выехал да воинов из противного строя в стороны расшвырял.

Велел тогда трибуну император, чтобы призвал новобранца к порядку и дисциплине научил.

А Максимин, услышав, что о нем говорят, пробился к

императору, спешился и встал у стремени его... – Гонорий усмехнулся. – Мой легат и в юном возрасте был о себе столь высокого мнения, что возомнил себя лично отмеченным вниманием императора. Но Септимию Северу нравилась дерзость в молодых. И решил он испытать фракийца. Пустил коня рысью и велел новобранцу бежать за ним, да не отставать. А конь у императора, ясное дело, был хорош. Да и сам Август был кавалеристом отменным: и сворачивать умел на всем скаку, и в сторону коня бросать, и маневрировать по-всякому. Но фракиец оказался настолько ловок и вынослив, что не отставал и держался, пока сам император не утомился, ведь уже не молод он был в те времена.

И сказал тогда Септимий Север: «Помнишь, фракиец, желал ты помериться силой с лучшими воинами? Готов ли ты бороться – или устал?»

«Бороться – это сколько угодно, император!» – ответил ему Максимин.

И тогда поставил его Август против самых сильных своих преторианцев, вдобавок ничуть не утомленных. И семерых подряд победил Максимин по своему обыкновению, без передышки. Правда, – тут Плавт опять усмехнулся, – победил их не потому, что был умелым борцом, а потому что силу имел медвежью, а ловок и быстр при этом был как горноста́й. Но победил честно и получил за то большую награду серебром. И отдельно в подарок от Северина – золотую шейную цепь, которую и по сей день с большой гордостью носит. Вот

тогда и оценил его император по-настоящему. И понял, что верен будет ему Фракиец, и только ему. Потому зачислил его в личную гвардию, и велено ему было стоять в дворцовых караулах. И стал Максимин самым юным из преторианцев. Самым юным, но на голову выше любого из императорской гвардии. Император души в нем не чаял. Велел ваять с него статую Марса. Да он и впрямь был – словно бог войны, столь же красив, сколь и могуч. Истинный Мит... Марс!

Плавт умолк и подбросил дров в огонь.

– А когда ты с ним встретился, – там, во Фракии? – спросил подполковник.

– Да, во Фракии, но позже. Когда император Антонин Каракалл, сын Септимия, воевал с германцами. Максимин был тогда кентурионом первой когорты, как я сейчас. А я – мальчишкой. Но я хорошо показал себя с германцами, – с гордостью заявил Гонорий. – Но Максимин заметил меня позже, в Парфии. Я тогда уже был опционом и получил венки за взятие крепостной стены²¹. Максимин – великий человек. Жаль, при нынешнем Августе славы не добудешь. Вот мы в Мидии как славно повоевали, а что проку? – Тут кентурион вздохнул и добавил: – Но и то правда, что Александр – не Септимий. И у матери Августа власти больше, чем у него.

²¹ Венки в римской наградной системе заменяли современные ордена. Венки давались за взятие крепостных стен и укреплений, за захват вражеского корабля, спасение товарища. Существовали венки триумфаторов и венки, которые давались солдатами своему полководцу, который вывел их из опасного положения, и т. д.

– Прости невежественного варвара, но позволено мне будет узнать: кто у вас нынче император? – осведомился Черепанов. – И кто его мать?

– Александр Север, – ответил римлянин. – Мать его – внучка Септимия Севера.

– А-а-а...

– Это была его идея – договариваться с варварами, – мрачно произнес Гонорий. – Его и его матери. Максимиин был против. Варваров надо бить, а не улещивать. Не послов к ним слать, а легионы. К воронам! – Кентурион сжал покрытые ссадинами кулаки. – Вбить их в землю по пояс! Сжечь их поганые поселки! Мужчин – на кресты! Баб и их щенят – на рынки! Только так, Череп! Только так!

– Не уверен. – Геннадий покачал головой. – В моей стране говорят: война – результат плохой дипломатии. Хороший посол может сделать больше, чем сильное войско. Если твой император послал к варварам хорошего посла...

– Он велел подобрать посла Максимиину. И тот подобрал отличного посла! – На лице Гонория появилась кривая усмешка. – Превосходного посла, лучше не бывает!

– Ты уверен?

– Абсолютно. Мой легат послал к ним меня!

Глава девятнадцатая, в которой Гонорий Плавт Аптус делится воспоминаниями о своей не слишком удачной дипломатической деятельности

– Скажи ему, раб! Скажи, что величайший император Рима дает ему ровно три дня. Если через три дня его сброд не отойдет от реки на тридцать миль, то пусть пеняет на себя!

Толмач перевел. При этом так лебезил и шепелявил, словно наглый варвар был его хозяином.

А варвар – борода венником, патлы до пояса, вся рожа в синих разводах татуировок – сидел на подушках напротив Гонория и скалил белые зубы.

У проклятого гета – не меньше двух тысяч копий. И вдвое против того – у его союзников. Раньше тут сидели квады²². Тоже не подарок. Но квадов били и Аврелий, и Аврелиан²³. Проклятые геты вышибли квадов еще дальше на север, а сами...

Варвар открыл рот и заговорил. Его хриплый высокий го-

²² Квады – германское племя.

²³ Римские императоры. Марк Аврелий пятнадцать лет (с 165 по 185 г. от Р. Х.) воевал с макроманнами и их союзниками квадами, император Аврелиан разбил их в 270 г.

лос резал слух.

– Мы ничего не имеем дурного против Рима, – перевел толмач. – Наоборот, мы готовы поселиться на этих землях и позаботиться, чтобы никто злой и недобрый не перебрался через реку – обижать беззащитных римских землепашцев. Но Рим должен поддержать своих друзей.

– На какую же поддержку рассчитывает рикс? – желчно осведомился Гонорий.

– Разве доблестный римлянин не знает? – удивился варвар. – Разве Рим не платил дань тем, кто сидел на этих землях прежде нас? Ваш император должен быть рад, что теперь у его границ будут сидеть более доблестные воины.

– Доблестные, ха! – фыркнул Гонорий. – С чего ты взял?

– С того, что их жены теперь греют наши постели, ты, пес! – рявкнул варвар, вскакивая.

Бледный толмач перевел, стараясь смягчить сказанное.

Сила была на стороне варвара. У него тысячи воинов, а у Гонория – всего лишь два десятка легионеров. Но это там, за кожаными стенами шатра. А здесь их только двое. Толмач не в счет. И не станет Гонорий Плавт Аптус праздновать труса перед каким-то дикарем! Но с другой стороны, разве не просил его Максимин быть дипломатичней?

– Сядь, – бросил Плавт. – Допустим, ты прав. Чего ты хочешь?

– Золота! – прорычал варвар, вновь опускаясь на подушки. – Столько золота, сколько вы платили тем, кого мы вы-

кинули отсюда!

– Не выйдет, – покачал головой Гонорий. – Разве что ты со своими воинами станешь воевать за Великий Рим.

– О да! – заявил рикс. – Я готов воевать. Ни один враг Рима не пройдет через мои земли без моего позволения.

«Ах ты татуированная обезьяна! – подумал Плавт. – И сколько ты собираешься содрать с наших врагов за разрешение пройти через твои земли?»

Впрочем, ничего удивительного. Гонорий знал: это обычная практика. Варвары не помнят добра.

У них нет законов. И предадут они так же естественно, как дышат. К счастью, друг друга они тоже постоянно предают. А там, где нет законов, порядка тоже нет.

«Я посылаю тебя, – сказал Гонорию Максимин, – тебя, а не хитрожопого чиновника, потому что ты – воин. У тебя на лбу написано, что ты воин. Эти волки не терпят собак, – но уважают других волков. Ты будешь говорить с их риксом как равный. Не раздражай его сверх меры: они дикари и мало уважают право посольской неприкосновенности. Ты можешь вернуться ни с чем, но я хочу, чтобы ты вернулся».

– Рим даст тебе золото, – сказал Плавт. – Но ты дашь Риму воинов. Как давали их квады. Границы империи велики. Твои люди будут биться с врагами Рима там, куда направит их император. Если они так храбры, как ты говоришь, то добудут себе вдоволь славы и богатства.

– Конечно, они храбры, – заявил рикс. – Но если они уй-

дут, кто защитит наши земли?

– Их защитит страх перед вашей доблестью, – парировал Плавт. – И если потребуется – сила Великого Рима.

– Она не защитила квадов! – отрезал варвар. – Что еще велел тебе передать император?

– Это все. Он будет ждать моего возвращения с твоим ответом. Каков он будет?

– Не сейчас. – Рикс поднялся. Он был довольно высок, но все-таки намного-намного ниже ростом, чем Максимин Фракиец. – Ты узнаешь мой ответ позже. Иди, римлянин. Я распорядился, чтобы тебя и твоих людей устроили как подобает.

Их устроили с почетом. Принесли вдоволь еды и даже нормального вина, а не горького пива, которое пинтами высасывали эти варвары.

Плавту даже предоставили девку на ночь, но утром...

Утром, едва он вышел из шатра, чтобы облегчиться, на него накинули ловчую сеть. Как на дикого зверя.

Позднее Гонорий оценил хитрость лохматого рикса. Попробуй они взять его иначе, это стоило бы гетам крови. А к крови у варваров серьезное отношение. Какой-нибудь родич вшивого дикаря, напоровшегося на меч Плавта, на законном основании мог потребовать смерти римлянина. А хитрый рикс вовсе не хотел его убивать. «Нехорошо убивать послов» – так он сказал и посадил кентуриона в клетку. А клетку велел увезти на север. Подальше.

«Твой император получит ответ, – пообещал рикс. – Только не из твоих уст, а с жал наших копий. А за тебя, думаю, твои родичи дадут неплохой выкуп».

Тут он ошибался. У старшего кентуриона не было богатых родичей. Но Плавт не сомневался, что Максимин заплатит за своего посла. Или сначала заставит заплатить Августа. Золотом. А потом заплатит гетам сам – железом.

Эта мысль утешала кентуриона, когда неторопливые волы тащили повозку с клеткой по скверным варварским дорогам. Если такое можно назвать дорогами. Еще Плавт думал о том, что стало с его людьми. Живы ли? Или их души уже в подземном мире?

По поводу внезапного нападения дикарей на имперские земли Гонорий не особенно беспокоился. Максимин знал, что варварское войско – по эту сторону Данаубия. А Максимин похитрей какого-то нестриженого вождя. И все уловки гетов ему известны. Он ведь и сам гет. Наполовину.

Дикарский рикс неплохо придумал спровадить Плавта. Но не учел характера своих соплеменников.

На третий день пути эти парни, и без того расстроенные, что не удастся порезвиться на римских землях, повстречали других варваров, своих дальних сородичей, успешно повоевавших с соседями, тоже варварами. Теперь за встречными варварами тащился полон дюжины в две рабов.

И те и другие решили сделать привал и вдоволь пообщаться. Привал длился двое суток. Варвары пьянствовали, зади-

рали юбки женщинам из полона и играли в азартные игры. В результате охрана Плавта продула римлянина своим соплеменникам. Прямо у него на глазах.

Утешением могло служить лишь то, что оценили его весьма дорого. Какой-то разжиревший сенатор из бывших проконсулов возжелал устроить Игры в честь дня рождения своего сына. Будто он – император, сожри его Кербер! Но по этой причине цены на рабов, способных, прежде чем подохнуть, некоторое время продержаться на песке²⁴, существенно возросли.

Не будь Гонорий Плавт Гонорием Плавтом, он, возможно, позволил бы привезти себя в Сирию в качестве раба. Оказавшись на земле империи, он автоматически переставал быть рабом. И покупатель, будь он хоть трижды сенатор, вынужден был бы его освободить. Но честь не позволяла Плавту вступить на родную землю в качестве раба. Он полагал, что это несмыаемый позор.

Новые хозяева Гонория из клетки выпустили и к общей цепи приклепали. Ночью Плавт поломал железо на своей ноге, стража тихонько задушил, забрал у него оружие, которым прикончил остальных варваров. А пленных освободил. Только зря он это сделал. Те ведь тоже были варвары. Суть – твари неблагодарные. Когда на следующую ночь Плавт взял себе женщину и отошел с ней помиловаться, эти мерзавцы тихонько подкрались к нему, оглушили и снова забили в же-

²⁴ Слово «арена» происходит от латинского «песок».

лезо. И присматривали за ним строго, и увезли далеко, а потом продали квеманам. Вот и вся история.

Глава двадцатая

«Легионер умеет все»

Каша, заваренная по Гонориеву рецепту, пахла довольно аппетитно. Кентурион накидал туда всякой всячины, реквизированной в квеманском поселке, который они недавно «посетили». «Веселый» был визит. Шестеро вооруженных бородачей-квеманов, местная «крутизна», решили повязать незваных гостей, вопреки закону гостеприимства. Если таковой в здешних краях существовал. Понадеялись мужики на численное превосходство и личную силу. Очень опрометчиво с их стороны. Плавт, который был на полголовы ниже самого мелкого из бородачей, минуты за полторы практически без участия Черепанова (тот просто не успел поучаствовать) порубал всех шестерых, навел страшный шухер на прочих обитателей деревеньки, состоявшей из нескольких черных хаток, согнал плачущих и стенающих сельчан (за исключением четырех приглянувшихся девиц) в какой-то амбар, который намеревался сжечь, и сжег бы, не вмешайся в ситуацию Черепанов.

Девиц грозный римлянин заставил приготовить жратву, затем вымыться (возможно, в первый раз в этом месяце), залил в каждую литра по два местного кислого пива, после чего приступил к удовлетворениям естественных потребностей. Девицы, которые на поверку оказались не девицами,

насилие снесли безропотно – мытье далось им труднее. Черепанов, исключительно чтобы не огорчать друга, воспользовался одной из квеманок. Безо всякого удовольствия. Это был не тот тип женщин, который ему нравился. Тем более что и женщине он был совершенно безразличен. Во всех смыслах. Плавт, раза по три обработавший каждую из своих, не преминул высказаться по поводу черепановской «слабосильности». Геннадий ехидство римлянина проигнорировал. Он уже давно перерос юношеское «трахать все, что шевелится и не ежик», и был в этом деле куда более разборчив, чем, скажем, в выпивке.

Ночь прошла спокойно, если не считать богатырского храпа одной из девиц и приглушенных коллективных стенаний тех, кто был заперт в хлеву.

С рассветом друзья набили мешки провизией и не мешкая двинулись дальше. Часа через два поруганные квеманки проспятся и выпустят родичей из хлева. Жаль, конечно, что семьи лишились самых трудоспособных мужиков, но те ведь сами напросились.

Впрочем, Геннадий не обольщался. Без драки все равно не обошлось бы. Не тот у Плавта темперамент. С другой стороны – «на войне как на войне». Вольно было квеманам нападать на поселок, убивать и похищать девиц. И самого Черепанова. Конечно, то были другие квеманы, но Геннадий ничуть не сомневался, что эти в аналогичной ситуации повели бы себя не лучше. Для чужаков здесь существовал только

один закон: насилие. Поэтому и сами аборигены к насилию сильных относились философски. Не убили – и на том спасибо.

А каша между тем поспела. И мясо козленка, вопреки ожиданиям Геннадия, козлом не пахло.

– Можно кушать, – сняв пробу, сообщил «шеф-повар».

Они сидели под деревом в лесу. По прикидкам Черепанова, где-то на территории Венгрии. То есть там, где, возможно, когда-нибудь будет Венгрия. Летчик-космонавт Черепанов и кентурион Плавт. Поскольку Черепанов не склонен был вдаваться в подробности о своем происхождении (хватит с него «божественных» почестей), беседовали главным образом о том, что волновало римлянина. Например, провалил Гонорий свое посольство или наоборот: высший смысл посольства как раз и состоял в том, чтобы спровоцировать варваров на нападение.

– Если твой легат так умен, как ты утверждаешь, – рассуждал Черепанов, – то должен был видеть, что из тебя неважный посол, – сказал Черепанов. – Ты уж прости, Гонорий, но дипломатия – она изворотливости требует.

– Я хитер! – возразил Гонорий. – Ты меня еще в настоящем деле не видел!

Он, похоже, обиделся.

– Да я не о военных хитростях, – уточнил Геннадий. – Я о политике. – Он задумался, подыскивая подходящее слово. Мерде... Шит... Экскремент... Ага! – Говнистости в тебе не

хватает для хорошего посла, – сказал подполковник.

– Не согласен, – возразил Плавт. – Дело посла – договариваться. Торговаться. Это как оливки покупать.

– Вот потому-то ты и неважный посол, – сказал Черепанов. – Дипломатия – это не торговля на рынке. Это нечто вроде фьючерсных²⁵ договоров, составленных с учетом инсайдерской²⁶ информации.

– Не понимаю, – буркнул Плавт. – Твоя латынь, Череп, хуже, чем у сирийского грека.

Обиделся Гонорий. Но, к сожалению, насчет языка он был прав. Латынь Черепанова была все еще далека от совершенства. Хотя бы потому, что целая охапка слов в первоисточнике имела совершенно другое значение. Но Геннадий очень старался, поскольку понимал, что язык ему понадобится, а хорошее знание языка плюс нужное произношение очень часто служат пропуском в высшее общество. Черепанов же был твердо намерен попасть именно в высшее общество. Пусть это намерение выглядело смешно, когда его выказывал человек в звериных шкурах, гревшийся среди дикого леса у примитивного костра. Но Геннадий Черепанов всегда добивался своего. По максимуму. Например, если уж быть летчиком, то не пилотом гражданской авиации или там сельскохозяйственной, а до предела и за предел. В стратосферу и выше. И судя по тому, что рассказывал о своем Риме Плавт, это

²⁵ Т. е. договоров о будущих сделках.

²⁶ Закрытой.

было реально. Если какой-то там варвар Максимин из безграмотных пастухов смог выбиться в генералы, то подполковнику Черепанову это тоже должно быть по силам. Но кое-что, конечно, придется подработать. Язык, например. Или технику владения оружием.

– Слушай, Гонорий, кто тебя научил так ловко с мечом управляться? – полюбопытствовал Черепанов. – Никогда раньше такого мастера не видел.

– Это точно! – Кентурион моментально перестал обижаться. – Римский легионер – это тебе не бычий хрен в соусе! Настоящий легионер умеет все! А ты бы видел, к примеру, как наша фаланга держит удар парфянской конницы!

– Надеюсь, еще увижу, – перебил Черепанов. – Но я хотел бы тебя попросить потренировать меня. С вашим оружием.

– Можно, – кивнул Плавт. – Но учти: только варвары бьются каждый на свой собственный лад. Настоящая сила армии – строй. Это если пехота. Да и конница тоже. А индивидуально мечом махать – это, друг мой, не воинское дело, а потешное. Гладиаторство.

– Это я понимаю, – кивнул Черепанов. – Меня в свое время тому же учили. – Деталей он уточнять не стал. – Но нас здесь двое, так что строя не получится. Да и коней у нас нет. Сам понимаешь.

– Понимаю. Значит, будем исходить из того, что есть, – согласился Плавт. – Ты покушал?

– Да, благодарю. Ты отличный кулинар.

– Пустое, – отмахнулся римлянин. – Я же сказал: легионер должен уметь все. И кашу сварить, и мост построить. А сейчас, Череп, возьми копьё и займемся делом...

Глава двадцать первая

Вандалы

Недели за три они без особых приключений отмахали, по прикидкам Черепанова, километров четыреста. Могли бы и больше, но приходилось сходить с курса, чтобы запутать след. Хотя, по предположению Плавта, это были уже не квеманские земли, тем не менее квеманский отряд копий примерно в сорок все это время тащился за ними. Раз десять друзьям удавалось увидеть их с относительно небольшого расстояния, например, при переправах. Раз десять им казалось, что квеманцы потеряли след. Но лесные варвары были упорны.

А может, просто очень сильно обижены. Плавт не раз пенял Черепанову: мол, ни к чему было рубать варварских идолов. Геннадий же резонно возражал: пока со стороны богов мести не наблюдается, а преследуют их исключительно люди. Вот ежели бы сами боги на них накинулись, тогда он, Черепанов, принял бы ответственность на себя. Что же касается людей, так разве кентурион не обещался разобраться с ними собственноручно?

Крыть было нечем. Тем не менее предложение Черепанова зайти преследователям в тыл и устроить охоту на охотников Плавт отверг.

Во-первых, сказал он, это их местность, и все преимуще-

ства ландшафта на стороне лесовиков-преследователей. Во-вторых, игра не стоит свеч, поскольку в мешках у друзей куча добра, а добыча, которую можно взять на преследователях, весьма сомнительна. В-третьих, он зуб готов дать, что охотятся на них не какие-нибудь мужики от сохи, а крутые ребята. И лично он, Плавт Аптус, не берется подкрасться к таким незаметно и порешить без помех. В-четвертых, в любой заварушке можно запросто схлопотать, например, стрелу в ляжку.

А в их ситуации это все равно что летальный исход. В-пятых, лично он, кентурион, считает, что свой долг квеманам уже отдал, а если старина Череп полагает иначе, то ему ничто не мешает добраться до цивилизованных мест, нанять за наличные сотню рубак – Плавт готов ему в этом помочь – и врезать преследователям прямо и грубо, по-солдатски. Но уже на равных.

Впрочем, убеждать Черепанова особо и не требовалось. Он был уже не в тех годах, чтобы играть в Рэмбо без острой необходимости. Главным побуждающим мотивом в данном случае было желание вернуться к тем местам, где утонул в болотной грязи его спускаемый аппарат. Не к аппарату, а к оставшемуся в одиночестве летчику-исследователю Алексею Коршунову.

Повернуть же вспять, когда за тобой идут несколько десятков разгневанных головорезов, было, мягко говоря, опрометчиво. И задача упрощалась до примитива: унести ноги.

Тем более что Плавт не уставал повторять: первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона – это не какой-нибудь варварский вожак в волчьей шапке с бляшками, а очень даже значительная фигура. Но только не в этих мокрых чащобах, а на цивилизованной территории Великой Римской империи. До которой, кстати, уже и рукой подать.

Черепанов очень сомневался насчет личной крутизны Плавта. Вряд ли даже очень крутой сотник имеет реальную власть в стране, где армия исчисляется сотнями тысяч. Много ли значит какой-то там командир роты? Правда, если этот командир роты знаком с командиром дивизии и, более того, является его личным другом – дело другое. Но кто поручится, что дружба кентуриона и легата – не вымысел самого Горнория?

Но Плавт был единственным пропуском Черепанова в цивилизацию. И не худшим из возможных, потому что, если не считать чрезмерной похотливости, не имел никаких недостатков. С точки зрения подполковника. И можно было не сомневаться, что родина кентуриона ценит, поскольку сам он эту родину искренне любил и ценил, хотя и был человеком практичным и сугубым реалистом, если можно так выразиться о том, кто три раза в день во всеуслышание объявляет о своей приверженности богу Большого Пениса.

Кентурион остановился. Лес, и без того светлый, впереди еще более посветлел. Поляна или прогалина. Или хутор какой-нибудь.

«Опять Плавт бесчинствовать будет», – мрачно подумал Черепанов.

В прошлый раз, когда они на селение наткнулись, Гонорий (как, впрочем, и обычно) такого шухера навел... Не знай Черепанов заранее, кто тут цивилизованный римлянин, а кто – дикие варвары, точно перепутал бы. Плавтовы установки были примитивны и практичны, как резиновая дубинка: мужиков резать, баб трахать. Причем и то и другое – прямо с порога. Под эту практику, ясное дело, подводилась идеологическая база: мол, берем на опережение. Пока они нас не взяли. Но подполковник не сомневался: будь лесовики даже абсолютными пацифистами, поведение Плавта и на йоту не изменилось бы. Но Плавт Черепанову, можно сказать, – друг. А местные лесовики – враги. И это факт.

Кентурион шумно потянул носом воздух.

– Угу, – сказал Черепанов. – Дым. И корова мычала. Жилье неподалеку.

– Да, – римлянин широко улыбнулся, – дым, да. И Данубий.

– Что?

– Река. Большая река. Я чую ее: она близко. Данубий это. Череп! Я уверен!

– И что? – Подполковник не понимал его восторга.

– Там... – Кентурион махнул рукой вперед. – Там, дальше, – она.

– Кто?

– Она, друг мой Геннадий! Империя! Рим! Вперед, ну! – И Плавт вприпрыжку понесся вниз по склону. Подполковнику ничего не оставалось, как последовать за ним.

Радость римлянина заразила Черепанова. Он тоже мчался вперед, перепрыгивая через корни и валежник – только стволы мелькали...

Как и следовало ожидать, ничем хорошим подобная беспечность закончиться не могла.

Они с ходу вылетели на опушку...

Оп-паньки!

Шагах в пятидесяти тянулась узкая грунтовая дорога. Ниже, примерно в полукилометре, синела большая река. Между лесом и рекой лежал невысокий холм, увенчанный деревянной крепостцой, вокруг которой в беспорядке были разбросаны домишки, маленькие огородики и узкие желтые полосы полей.

Поля, поселок, река, крепость, дорога... И человек двадцать вооруженных всадников, поднимавшихся по дороге вверх.

Гонорий плюхнулся ничком в траву так быстро, словно его ухватили за ноги. Черепанов последовал его примеру, замешкавшись не более чем на полсекунды.

– Ах ты мохнатая задница Орка! – прошипел кентурион. – Вандалы! Откуда они взялись, пожри их Кербер!

У Геннадия не было ответа на этот вопрос. Определять племенную принадлежность местных дикарей он мог. А о

вандалах знал только, что они захватили и порушили Рим. Вернее, захватят и порушат, если здешняя история соответствует той. И сим деянием навеки обессмертят себя популярным словом «вандализм».

Плавт осторожно приподнялся над травой и тут же снова прижался к земле.

– Они едут сюда. Череп, – прошептал он. – Что скажешь?

– Попробуем удрать? Может – в лес?

– В таком лесу от конных не спрячешься.

– Тогда – драться?

Римлянин бросил на него быстрый взгляд.

И кивнул.

– Лучше удар в лицо, чем стрела в спину, – сказал он.

«Что в лоб, что по лбу», – подумал Геннадий, но промолчал. Он надеялся, что и на этот раз как-то удастся вывернуться. Если ты раз за разом попадаешь в ситуации, когда шансы превратиться в удобрение раз в сто превышают шансы уцелеть... и все равно остаешься в живых, то к этому как-то привыкаешь. И начинаешь думать, что так и должно быть. По крайней мере с тобой. И нет безвыходных положений, а есть только критические моменты, когда выход неочевиден. И если не хлопать ушами, а пошевелить тем, что между ними...

Словом, «пока все идет неплохо», как сказал один молодой человек, пролетая мимо двенадцатого этажа.

А всадники приближались. Подполковник уже отчетливо

слышал дробный стук копыт.

Гонорий, не поднимаясь, закрепил покрепче мешок с ба-
рахлом и переместил щит так, чтобы тот прикрывал спину,
после чего сразу стал похож на черепаху-переростка.

– Идея такая, – прошептал римлянин. – Выжидаете,
сколько можете, а потом прыгаете и стараетесь захватить
лошадь. И удираете во весь опор.

– А как насчет стрелы в спину? – осведомился Геннадий.

– Ну это как получится. – Кентурион оскалился. – Не бо-
ись, Череп! Прорвемся!

– Да я особо и не боюсь, – заметил Черепанов. – Но думаю,
нам стоит переползти к тем кустикам.

Римлянин скривился:

– Раньше надо было... Уже не успеем. Все, молчи.

Но сам тем не менее осторожно пополз влево. Правильно,
лучше набрать хоть какую дистанцию.

А вандалы были уже совсем близко. Можно было услы-
шать, как они переговариваются. Похоже, эти парни точно
знали, что Геннадий и кентурион где-то рядом. Знали и не
торопились.

Геннадий, перекинувший щит назад по примеру Плавта,
вжался в землю, зарывшись в длинные желтые лохмы травы.
Он знал, что судьба всегда дает ему шанс. Хотя бы один.

Стук копыт – рядом. Но недостаточно близко.

А вот еще...

Длинная тень коснулась жухлой травы, прикрывавшей ру-

ку Геннадия. И копьё, которое держала эта рука.

Подполковник не видел – чувствовал, как надвигается, нависает над ним сдвоенная массивная фигура: конь и всадник...

Вандал заметил зарывшегося в траву человека, почти наехав на него... Заметил и издал короткий гортанный возглас – удивился.

А уж как он удивился в следующий миг!

Черепанов ждал до последнего... Ждал, когда конское копыто окажется в метре от его головы, ждал этого удивленно-го возгласа...

Резко воткнув черен копья в землю, Геннадий выметнулся вверх, ударил двумя ногами в вандальский щит. Ванда-ла вынесло из седла – охнуть не успел. И не успел он еще удариться оземь, а Черепанов уже утвердился в седле. Вот и пригодился хапкидошный «противоконный» приемчик.

Геннадий рванул узду, не дал коню встать на дыбы. Пинок по морде – когда конь вознамерился цапнуть его за ногу, пинок по ребрам – пошел! Конь злобно заржал, заплясал на месте! Еще раз получил по ребрам – шевелись, скотина! Пошел! Марш!

Конь завизжал – будто железо по стеклу заскрежетало. Боковым зрением Черепанов успел увидеть, как к нему летит, выставив копьё, еще один всадник. И как навстречу вандалу из травы выбрасывается нечто темное и стремительное. Всадник летит с лошади...

Тут трофейный конь Черепанова наконец решил сдвинуться с места и пустился тряским галопом в сторону леса.

Геннадий слышал позади пронзительные вопли, но не оборачивался. Он припал к шее коня, к жесткой пыльной гриве и беспокоился только о том, чтобы не свалиться.

Через полминуты они влетели в лес. Геннадий еще плотнее прижался к гриве. Лес был редкий, но все равно запросто можно было напороться на какой-нибудь сук.

Погоня не отставала. Наоборот, приближалась. Над головой свистнула стрела. Другая. Еще одна чиркнула по щиту. Глухой удар. Конь под Черепановым содрогнулся, заржал отчаянно: стрела вонзилась ему в круп. И сделала то, чего не мог добиться не слишком умелый всадник: конь понесся во всю прыть. Геннадий распластался на нем, прилип к мощному телу скакуна, вдыхая острый запах конского пота. Мимо мелькали древесные стволы. Какой должна быть скачка, чтобы она показалась быстрой тому, кто закладывает виражи на «МиГах» и «сушках»...

Правильно. Смертельно рискованной.

Погоня отставала. Черепанов уже начал надеяться, что все, уйдет...

Раздался звонкий, как щелчок, хруст, широкая, влажная от пота спина коня ухнула куда-то вниз, и Геннадий оказался летящим в воздухе, безо всякой опоры, но очень быстро...

Он успел сгруппироваться. Успел даже подумать: хорошо, что стремян нет...

Земля со страшной силой ударила Черепанова в бок. Он отскочил от нее, как мячик... И приложился головой обо что-то еще более твердое. Не будь шлема – тут бы история его жизни и закончилась. Но медный шлем, смявшись, принял на себя большую часть удара. Тем не менее Геннадию хватило. В глазах его вспыхнуло черное пламя. Вспыхнуло и погасло. Вместе с сознанием.

**Глава двадцать вторая,
в которой знакомство подполковника
Черепанова с вандалами
продолжается, но по-прежнему
приносит одни неприятности**

Командовал вандалами рыжий детина с лохматой бородой и копной жестких, как конская грива, волос. Рядом с ним местный вождь, «комендант», правивший маленькой крепостью и прилегающими к ней землями, смотрелся совсем не колоритно. Этот был уже в солидных годах, пузатый и – сразу видно – большой хитрован. Но вандал тоже был не простак. И золота на нем было килограмма на полтора больше. И оружие более качественное – даже не искушенному в местном вооружении Черепанову это было сразу видно.

Когда Черепанов очнулся, вернее, когда его привели в чувство с помощью ведра воды, оба лидера: рыжий вандал и седой рикс – были тут. Рикс глядел на мокрого Черепанова с явным интересом. Возникало такое ощущение, будто он пытается вспомнить, видел ли Геннадия раньше. Кого-то ему подполковник определенно напоминал...

Рыжий вандал, плечистый бугай на пяток сантиметров выше Геннадия, раздумьям не предавался. Махнул своим,

чтобы поставили пленника на ноги, подошел, да и двинул Геннадия по уху.

Черепанов, у которого в голове после обморока еще не все устаканилось, даже не сделал попытки уклониться. Но на ногах устоял.

Вандал буркнул что-то одобрительное своим, потом пролаял нечто, уже обращаясь непосредственно к Геннадию. Голос у рыжего был высокий, звонкий, даже визгливый – и крайне агрессивный. Слова он выговаривал быстро и непривычно, так что смысл реплики до Черепанова не дошел. Тем более, что соображал он сейчас туговато. Голова пухла от боли, и в каждом ухе – по комку ваты. Плюс еще и медный звон в том, по которому съездил рыжий.

Вандалу молчание пленника не понравилось, и он опять махнул кулачищем... Но на этот раз Черепанов успел среагировать и нырнул. Волосатый кулак мелькнул у него над головой и врезался в шею здорового вандаля, возвышавшегося у Геннадия за спиной, а подполковник, чисто на рефлекс, вклеил рыжему апперкот в челюсть.

То ли борода самортизировала, то ли вождь мощно держал удар, – но рыжий устоял, только зубами скрежетнул и...

Впрочем, едва Черепанов успел осознать, что вандальский вожак принял удар достойно, как его самого тут же саданули по голове, и он пришел в себя только после очередного ведра воды. Но на этот раз руки у Геннадия оказались связанными за спиной.

Черепанова снова поставили на ноги. И рыжий опять что-то пролаял. А Черепанов опять не понял, и рыжий опять прибежал к рукоприкладству. А Геннадий опять уклонился. А поскольку он всегда давал сдачи, если имелась хоть какая-то физическая возможность, то тут же подсек рыжего, развернулся раньше, чем тот успел приземлиться, и пнул в колено другого вандала, который вознамерился еще разок попотчевать Черепанова дубинкой.

На этом битва закончилась, потому что сразу три вандальских бугая разом бросились на Геннадия и с ловкостью, которая приобретается только большой практикой, стиснули его щитами. Может, будь у подполковника развязаны руки... Хотя к чему пустые мечты?

В общем, ему спутали и ноги тоже. Но бить больше не стали. Более того, когда вандал, получивший по колену, вознамерился обработать Черепанова древком копья, рыжий рывкнул, и его подчиненный оставил свою идею.

Местный рикс наблюдал за сценой с большим интересом и, когда все закончилось, неожиданно предложил за Черепанова аж три крупные золотые монеты. Геннадий не знал местных прейскурантов, но по реакции окружающих понял, что цена изрядная. Рыжий, в свою очередь, поинтересовался, чем пленник так приглянулся риксу. Тот принялся темнить, вандал потребовал внятного ответа, но чем кончилась дискуссия, Черепанов так и не узнал. Потому что его погрузили на телегу и увезли в вандальский лагерь.

Нельзя сказать, что с Геннадием обращались особенно жестоко. Разместили в отдельном шатре. Кормили. Путы вязали аккуратно: крепко, но не туго. Овчину дали: чтоб на земле не лежал и ночью не мерз.

Судя по тому, что Черепанов остался в вандальском лагере, риксу не удалось перекупить пленника. Но в одиночестве подполковник пробыл недолго. Очень скоро к нему присоединился старый приятель. Гонорий Плавт Аптус.

**Глава двадцать третья,
в которой подполковник Черепанов
существенно расширяет свои
познания в области римской
стоматологии и работорговли**

– Что они здесь делают, эти вандалы, разорви их пополам! – Кентурион сплюнул красный сгусток на земляной пол. – Это ж гетский поселок, мы тут как-то высаживались с Максимином, я помню.

– Делегация, – сказал Черепанов, который за двое суток, слушая разговоры своей охраны (вандалский диалект отличался от квеманского, но разобрать было можно), поднабрался информации. – К здешнему риксу от вандалского большого лидера. Посольство. Они как раз домой отъезжали, когда мы сдуру прямо на них выскочили.

– Откуда знаешь?

– Слышал, как стражники болтали. Как же ты все-таки попался?

– Да вот... – недовольно проворчал кентурион. – Попался. Арканом накрыли. Я уж думал – оторвался. Ан все-таки выследили.

В тот день, когда захватили Геннадия, римлянин ухитрил-

ся уйти. Сиганул с лошади на дерево. Лошадь дальше поскакала, и погоня – за ней. Ушел Плавт. Но все-таки его выследили. И взяли. Может, римлянин и сумел бы ускользнуть, если бы немедленно прочь двинул. Но Плавт все это время поблизости отирался. Почему – не говорил. Но Геннадий догадывался: из-за него. Хотел, должно быть, Черепанова выручить. Но не смог. И вот теперь они опять – той же компанией и в том же положении, что на квеманском острове.

– Выследили меня, – буркнул Плавт. – Устерегли. Был бы лес погуще. Да хоть копые нормальное, доспех, может, и отбил бы. А так только одного я и завалил, на второго нацелился – копые перехватить, а тут – р-раз! Петля сверху – и я на земле.

– Понятно...

Черепанов осторожно перекатился на другой бок. Все же крепкая у него голова. Так грохнулся – и даже блевать не тянуло.

Римлянин снова сплюнул.

– Зуб выбили, – пожаловался он.

– Сочувствую. – Черепанову меньше досталось. Пара шишек да распухшее ухо. Пустяки.

– А золото наше я запрятать успел, – злорадно заявил кентурион. – В лесу. Хорошо запрятал – эти ни за что не найдут. А зуб – пустое. Все равно сломанный был. Выберемся – золотой поставлю.

– Что? – изумился Геннадий. – Золотой зуб? Каким обра-

зом?

Неужели он что-то напутал и этот Рим – не тот, о котором писано в той истории? Вставные зубы как-то не укладываются в представление о древних...

– А вот таким. – Гонорий с нотками превосходства принялся объяснять, каким образом римские стоматологи восстанавливают утраченное. Нет, высокими зубными технологиями, к сожалению, здесь не пахло. Самой популярной методикой было крепление протезов к зубам здоровым. Посредством золотых петель. Но, по словам Плавта, такие примитивные «мосты» вполне функционировали. А зубы можно было изготавливать хоть из драгоценных камней, хоть из золота, хоть из слоновой кости. А можно выдрать у какого-нибудь раба поздоровее и в свой рот приспособить. Но это что! Вот у одного опциона²⁷, что под Плавтовым командованием служил, парфянской стрелой кусок черепа выбило. Так лекарь-грек на это место пластинку золотую приспособил, – и ничего, нормально потом служил опцион.

Черепанов слушал и думал, насколько все-таки устойчивая вещь – имперское превосходство. Как в России в советские времена, каждый гегемон был абсолютно уверен, что он круче какого-нибудь шведского или венгерского банкира, потому что мы делаем ракеты и в космос летаем. А теперь этот вот обломок другой империи, понятия не имеющий не только о ракетах и металлокерамике, но даже о велосипеде,

²⁷ Опцион – младший офицер, помощник командира кентурии.

самодовольно поучает приятеля-варвара. При том что сам валяется связанный, в мокрых штанах и жить ему осталось...

– Слушай, Череп, а ты не слыхал: может, вандалы нас здешним отдадут? – внезапно спросил Плавт.

– Не отдадут. Местный рикс уже подбивал клинья, золото за меня сулил – не вышло.

– Жалко. Много золота предлагал?

– Прилично. Три монеты примерно вот такого размера. – Черепанов показал, какого именно.

– Ого! – восхитился римлянин. – По здешнему курсу это, считай, почти фунт серебра²⁸. Жаль, что вандал отказался.

– А нам-то какая разница? Или ты хочешь ему за нас наше золото предложить? Спрятанное?

– Ну ты сказал! – Римлянин поглядел на него как на ненормального. – Заберут – и все дела. Еще и пытаться станут: все ли отдали или утаили что? А что этим гетам... тьфу!.. гетам нас не отдали – это плохо. С готами я бы, может, договорился. Думаю: неспроста за тебя такую цену предлагали. Очень жаль, что не отдал нас вандал.

С этими готами Максимин в дружбе. Максимин же сам – из готов.

– Ты же говорил: он фракиец, – напомнил Черепанов.

– Ну да, он из Фракии. Но отец его – из готов-федератов. А мать, кажется, из аланов, точно не знаю. Максимин насчет своего происхождения не распространяется. Хочет,

²⁸ Римский фунт – 327 граммов.

чтобы его считали настоящим римлянином. – Плавт хмыкнул. – С его-то выговором. Хотя сынок его отменно выучен. Не хуже какого-нибудь патриция...

Гонорий еще долго распространялся о своем любимом командире, но Черепанов не слушал. Он размышлял, для чего понадобился здешнему риксу. Будь на месте Черепанова Плавт, рикса еще можно понять: Гонорий – римлянин. За римлянина могут приличный выкуп дать. Или обменять на что-нибудь. Или – на кого-нибудь. Но Геннадий – не римлянин. Он вообще здесь чужой. То есть цена его – это цена здорового крепкого раба мужского пола по рыночному курсу.

– Слышь, Гонорий, сколько сейчас в империи раб стоит?

– Смотря какой: если умелый мастер или там грамматик-ритор – то дорого.

– А если просто крепкий мужчина?

– Думаю, от пятидесяти до ста динариев²⁹. Никак не боль-

²⁹ Динарий – римская монета. Каноническая имперская денежная система была создана императором Августом (27–14 гг. до Р. Х.), и с тех пор все монеты империи получили фиксированный номинал. Правда, качество металла (например, содержание золота в аурее) могло снижаться, если у государства возникали финансовые трудности. Система эта, продержавшаяся до III в., была такова. Высший номинал – золотой динарий, он же аурей. Четверть римского фунта, т. е. около 8 граммов золота. Аурей равен 25 серебряным динариям, содержащим по 4 грамма серебра во времена Цезаря, а в описываемое время – менее 2 граммов. Инфляция, что поделаешь. Серебряный динарий соответствовал четырем латунным сестерциям, весившим порядка 25 граммов во времена Цезаря, а в описываемое время также изрядно полегчавшим. Более мелкие монеты: дупондий (0, 5 сестерция), асс (0, 25 сестерция), квадрант (четверть асса). Монеты чеканились не только в Риме, но по всей империи. Со времен императора Августа чеканка

ше. Хотя ежели такой, как ты или я, драться обученный, – до тысячи потянуть может. От сезона зависит, от ланисты³⁰ тоже.

Да, тут было над чем поразмыслить. Или рикс спутал Черепанова с кем-то из своих знакомцев, или существовал некий фактор, заметно повышавший ценность Геннадия. Очень сомнительно, что рикс предлагал золото из чистой благотворительности. Значит... Значит, ничего хорошего ожидать не стоит. Жизненный опыт подполковника свидетельствовал: приятные сюрпризы, как правило, являются следствием собственных усилий. Сюрпризы, возникающие самостоятельно, относятся к другой категории. Что ж, будем ждать неприятностей. Не впервой. Кто предупрежден, тот вооружен, как говорится. Хотя бы морально...

золотых и серебряных монет была государственной монополией. Монетные дворы в провинциях имели право чеканить собственную монету только из бронзы и меди. Кстати, именно посему отличались большим разнообразием. Кроме обычных, в римской денежной системе существовало множество «юбилейных» монет, чеканившихся по случаю важных событий: побед в войнах, дней рождений императоров и т. д. В том числе и событий, не слишком позитивных, с нашей точки зрения. Например, на одной из монет середины I в. до н. э. изображен Брут (убийца Юлия Цезаря), а на другой стороне монеты надпись «EID MAR» (мартовские иды, дата убийства), шлем и два кинжала.

³⁰ Ланиста – владелец и руководитель гладиаторской школы, поставляющий «живой материал» для гладиаторских игр.

Глава двадцать четвертая

Квеман и вандал

Полог шатра откинули, и яркий солнечный свет ударил в лицо. Геннадий зажмурился.

Вошли четверо вандалов. Пленников подняли и потащили наружу. Перед шатром стояли оседланные кони и запряженная парой лошадей телега с высокими бортами и колесами в половину человеческого роста. Геннадия и Гонория зашвырнули внутрь. Один из вандалов взобрался на передок, подхватил вожжи. Остальные вскочили в седла, и телега, трясаясь и подпрыгивая, покатила по дороге. Лежа на колкой соломе, Черепанов созерцал прозрачное синее небо и черный силуэт хищной птицы, парящей прямо над ними. Внезапно жуткая тоска накатила на Геннадия. Нестерпимо захотелось, чтобы мир перевернулся, чтобы небо было во круг, чтобы все это: телега, всадники, домики, дорога – оказалось внизу, стало маленьким, игрушечным. Чтобы каждой жилкой чувствовать дрожь серебристых крыльев, разрезающих прозрачную пустоту. Чтобы с бешеным криком нырнуть вниз и ощутить, как такая крохотная и такая могучая машина рвет пленку звукового барьера, и как внезапно наступает тишина, и земной пегий ковер беззвучно летит навстречу, а где-то позади, безнадежно отставая, терзает пространство непереносимый для человеческих ушей рев.

Обычному человеку этого не понять. Разве что вспомнить те ощущения, когда нажимаешь на педаль газа, и сотня лошадиных сил бросает тебя вперед. А потом умножить это чувство в сто, в тысячу раз, во столько, во сколько мощь двигателей «сушки» превышает мощность самого крутого автомобильного движка. А ведь есть еще небо...

Вернее, было. И теперь... Теперь небо есть у этой маленькой хищной птицы. А летчику-космонавту Геннадию Черепанову осталась только земля... Но он все же был там, наверху. Там, где нет ни птиц, ни атмосферы, на такой вершине, выше которой быть невозможно. И если Геннадий сейчас умрет, то он все равно будет знать, что прожил круто. Круче не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.